

Министерство образования и науки Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е. А. РОСТОВЦЕВ

ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА

Часть 3

Учебное пособие

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2011

Министерство образования и науки Российской Федерации
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.А. РОСТОВЦЕВ

ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА

Часть 3

Учебное пособие

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2011

УДК 93/99(075.8)
ББК 76.1473я73
Р 78

Рецензент – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного технологического института (Технического университета) *И. П. Потехина*

Ростовцев Е. А. История книжного дела. Ч. 3 : учеб. пособие / Е. А. Ростовцев. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2011. – 128 с.

Соответствует содержанию авторского курса “История книжного дела” для обучающихся по направлению подготовки специалистов 030901 “Издательское дело и редактирование”.

Третья часть учебного пособия “История книжного дела” содержит материал трех разделов курса (темы 4–6), посвященных истории книги раннего Нового времени. Тема 4 охватывает материал, связанный с историей книжного дела в Европе в XV–XVIII вв. Тема 5 посвящена основным этапам развития русской рукописной и печатной книжной традиции в XVI–XVII вв. Тема 6 охватывает материал, связанный с историей книжного дела в России в XVIII в.

По каждой теме приведен список рекомендуемой литературы.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности “Издательское дело и редактирование”, а также может быть полезно для широкого круга читателей, интересующихся историей развития мировой и отечественной книжной традиции.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

ISBN 978-5-7422-2656-7

© Ростовцев Е. А., 2011
© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2011

Предисловие

Данное пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальности “Издательское дело и редактирование” и другим специальностям, курс которых предусматривает изучение этой дисциплины. “История книги” — курс, лежащий на стыке ряда гуманитарных дисциплин, который по своей природе носит универсальный характер, связанный со спецификой предмета изучения — книги. В этом курсе основную задачу автор видит в том, чтобы показать механизм функционирования книги как культурного феномена в конкретных исторических условиях. Отсюда общий в изложении принцип группировки материала, связанный с той или иной книжной культурой, — идеология и состояние культуры общества, круг заказчиков книги: репертуар книги, материал, форма, особенности производства (и искусства) книги; центры книгоиздания и распространения книги; культурная роль книги. Понятно, однако, что эта последовательность пунктов изложения носит условный характер, и поэтому автор воспринимал ее не в качестве некоего императива, а как общую установку работы, от прямого следования которой он в некоторых случаях, когда того требовал материал, позволял себе отойти. Предметом первой части пособия являлись основные источники и состояние историографии истории книжного дела, главные направления методологии истории книги, проблема исторической типологии книги. Во второй части излагался материал двух последующих тем курса (темы 2 и 3), посвященных истории древней и средневековой книжности¹. Третья часть пособия содержит материал трех тем курса (темы 4–6), посвященных истории европейской и русской книжности раннего Нового времени. Тема 4 охватывает матери-

ал, связанный с историей книжного дела в Европе в XV–XVIII вв. Тема 5 посвящена изложению основных этапов развития русской рукописной и печатной книжной традиции в XVI–XVII вв., тема 6 связана с изучением русской книги XVIII столетия. По каждой теме приведены списки рекомендованной литературы.

Автор выражает признательность всем коллегам, дружеским участием и советами помогавшим ему в работе над этим текстом. Особую благодарность приношу членам семинара “Теория и практика исторического исследования” Исторического общества при Европейском университете в Санкт-Петербурге, в заседаниях которого в разное время обсуждались части этой работы.

¹ См.: *Ростовцев Е. А.* История книжного дела : учеб. пособие. СПб., 2007. Ч. 1; 2009. Ч. 2.

ТЕМА 4. КНИЖНОЕ ДЕЛО НА ЗАРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новое время — эпоха расцвета европейской культуры и цивилизации, период, когда она начинает занимать доминирующее положение в глобальном, планетарном масштабе. Формы социальной, политической и экономической культуры и моральные ценности, выработанные в христианской Европе, начинают стремительно завоевывать ойкумену. К концу XVIII в. мир уже почти поделен европейскими нациями на сферы влияния, а конкурирующие цивилизации (прежде всего, исламская и дальневосточная) оказываются в роли аутсайдеров. Европейская книжность стала важнейшим инструментом этой экспансии. Однако задумаемся на минуту, мог ли столь грандиозный технологический и культурный прорыв европейцев состояться в условиях господства рукописной книги? Очевидно, мы вынуждены дать отрицательный ответ — рукописная книга не создавала того уровня технологии распространения информации, который требовался для быстрого развития наук и производства (включая военное дело), социальной модернизации, миссионерской деятельности и т. п. Именно поэтому многие историки склонны начинать отсчет эпохи Нового времени с момента изобретения наборного книгопечатания в Европе.

§ 1. Изобретение книгопечатания в Европе. Инкунабулы

Можно указать на три основные группы *исторических предпосылок* появления наборного книгопечатания в Европе — социально-экономические, культурные и технологические.

В предыдущих разделах курса уже отмечалось увеличение спроса на книгу, связанное с развитием бюргерства, зарождением буржуазии в ремесленно-цеховой период развития рукописной книги в конце XIV–XV в. Для увеличивающейся сети городских школ, для удовлетворения хозяйственных потребностей общества требовалось невиданное ранее количество книг. Иначе говоря, новый общественный заказ на книгу можно было

удовлетворить, только найдя способ массового размножения книги. Это основная социальная предпосылка начала европейского книгопечатания.

Говоря об историко-культурных предпосылках, необходимо также подчеркнуть значение ценностей, выработанных в эпоху Возрождения (Ренессанса). Под Ренессансом понималось возрождение античной культуры. Однако речь шла не столько о возрождении или повторении античности, сколько о переосмыслении достижений древности в контексте христианского гуманизма. Обращение к человеку, его личности, роли в обществе, творческим потенциям, его отношениям с историческим наследием — вот те гуманистические лозунги и принципы, которые определяли развитие культуры Возрождения, условные рамки существования которой можно обозначить XIII–XVI вв. Родиной Возрождения была Италия, откуда его идеи распространились по территории всей Западной Европы. Для участников культурного процесса Возрождения книга была одновременно и одним из основных предметов изучения (труды античных авторов), и средством творческого самовыражения (многочисленные гуманистические трактаты и художественные произведения), и инструментом образования и распространения своих идей. Поэтому для деятелей эпохи Возрождения книга представляла собой важнейшую жизненную ценность. Известно, например, изречение автора “Божественной комедии”:

“В обществе моих книг я испытываю большую радость, чем все короли мира”¹. Хрестоматийный характер приобрели и высказывания о книге Франческо Петрарки:

Золото, серебро, жемчуг, пурпурные одежды, мраморные здания, картины и другие предметы могут доставлять только преходящее удовольствие, книги же могут привести нас в истинный восторг: они говорят с нами как живые, они наши лучшие советники, наши ближайшие друзья².

Вместе с гуманистическими идеями в обществе распространялся и культ книги, все большие масштабы приобретало библиофильство. Изменился и характер библиофильства — если раньше приобретаемые книги рассматривались прежде всего как предметы искусства, то теперь коллекционеры, главным образом из числа аристократии, большее внимание

уделяли содержательной стороне своих собраний. В этой связи можно, например, отметить библиотеки XV в., принадлежавшие правителю Флоренции Козимо Медичи, урбинскому герцогу Федерико да Монтефельтро, венгерскому королю Матьяшу Хуньяди (Корвину), папе Николаю V, императору Максимилиану I и многим другим. В эпоху Возрождения ценность образования и книги была в большей степени, чем в предшествующий период, осознана феодальным дворянством.

Говоря о технологических предпосылках начала наборного книгопечатания, нельзя вновь не указать на распространение в Европе в XIV–XV вв. бумаги как основного писчего и книжного материала — этот сравнительно дешевый носитель делал финансово оправданным многотиражные книжные издания. Другой предпосылкой стало широкое применение в Европе ксилографии (предполагается, что секрет искусства ксилографии был завезен из Китая) в конце XIV — первой половине XV в. Первоначально использовалось оттискивание с деревянных досок, но затем для этого стал применяться более долговечный материал. Как обоснованно считают некоторые исследователи, технической отправной точкой изобретения И. Гутенберга стала голландская печать с металлических литых форм³. Способом ксилографии изготавливали главным образом многотиражные издания (например, молитвенники, азбуки, донаты¹), которые окупали затраты на изготовление печатной формы⁴. Особое распространение с конца XIV в. получило печатание игральных карт (эта игра была придумана в Китае, получила развитие в Европе через арабское посредничество). Проблема дальневосточного влияния на появление наборного книгопечатания дискуссионна⁴.

¹ Донатами называли учебники латыни, созданные по образцу знаменитого учебника еще античного времени, автором которого был римский педагог Элий Донат (IV в. н. э.).

⁴ Примечательно, что ксилографические книги в Европе были широко распространены вплоть до конца XV в., имея хождение наряду с книгами, напечатанными с наборной формы.

Таким образом, почва для перехода к наборному книгопечатанию к середине XV в. была подготовлена. Не случайно, что в литературе существует целый ряд кандидатов на роль европейского первопечатника. Назовем наиболее известных из них — фламандец *Ян Бритто*, итальянец *Памфило Кастальди*, голландец *Лауренс Янсоон Костер*, пражский ювелир *Прокон Вальдфогель*, работавший во французском Авиньоне. Однако большинство исследователей все же сходятся на том, что изобретателем наборного книгопечатания в Европе следует считать уроженца немецкого города Майнца *Иоганна Гутенберга*.

Иоганн Гутенберг и его изобретение

Иоганн Гутенберг (1399 (?) – 1468) родился в городе Майнце в патрицианской семье Генсфлейшей (считается, что Гутенберг — это фамилия его матери)⁵. Однако уже в детстве или юности он был вынужден покинуть город (предполагается, что его семья оказалась жертвой внутригородской политической борьбы). Известно, что по крайней мере с 1434 г. И. Гутенберг жил в Страсбурге (в то время германский город, ныне на территории Франции), где относился к цеху ювелиров (что, кстати, предполагало владение техникой работы по металлу). Судя по косвенным показаниям источников, идею наборного книгопечатания И. Гутенберг пытался реализовать еще в Страсбурге, неизвестно, правда, удалось ли ему это или нет⁶. Впрочем, условную дату начала наборного книгопечатания в Европе относят все же именно к периоду пребывания мастера в Страсбурге — к 1440 г.

Суть изобретения И. Гутенберга заключалась не только в создании подвижных литер, но и в разработке всей технологии печатного процесса: в изготовлении штампов (*пуансонов*), изготовлении с их помощью *матриц*, в отливке с помощью матриц *шрифта*, в его распределении в *наборной кассе*, а затем в составлении в *верстатке* литер в слова и строки, из

которой составляли печатную форму, и, наконец, в печати с помощью прессы, прижимавшего бумажный (пергаменный) лист к печатной форме¹.

В 1444 или 1445 г. И. Гутенберг покидает Страсбург и возвращается в Майнц (достоверные сведения о пребывании изобретателя в Майнце относятся к 1448 г.), где он продолжает попытки организации собственного печатного дела. В одной из немецких хроник начала XVI в. последующие события описываются так:

...В немецком городе на Рейне — Майнце Иоганном Гутенбергом было изобретено чудесное и неслыханное искусство печатать книги подвижными литрами; поскольку он истратил на это изобретение почти все свое имущество и, борясь с непреодолимыми трудностями, утратил всякую надежду успешно завершить дело за недостатком денег и уже намеривался отказаться от своих планов, то советами и деньгами помог ему Иоганн Фуст — тоже житель Майнца. Это позволило завершить начатую работу⁷.

Действительно, поскольку собственных средств у изобретателя катастрофически не хватало, он обращается за финансовой поддержкой к одному из богатых жителей Майнца — Иоганну Фусту. В 1452 г. Иоганн Фуст становится компаньоном Иоганна Гутенберга, а вскоре в компанию вступает и помощник И. Гутенберга — профессиональный каллиграф и иллюминатор Петер Шёффер, ставший к тому времени зятем И. Фуста. Впоследствии, в 1455 г., И. Фуст подаст в суд на И. Гутенберга в связи с невозвращением данной ему ссуды, выиграет процесс и завладеет предприятием, после смерти И. Фуста единоличным хозяином компании станет П. Шёффер. О дальнейшей судьбе разоренного И. Гутенберга известно немного. В 1465 г. епископ Майнца Адольф фон Нассау предоставил пожилому изобретателю материальное обеспечение, а в 1468 г. Иоганн Гутенберг скончался.

Нет единого мнения относительно того, что можно считать первым гутенберговским изданием, ведь первые издания, приписываемые первопечатнику, не содержат указания на время выхода в свет. Вообще, споры о принадлежности того или иного издания И. Гутенбергу ведутся не один

¹ О технологии изготовления первопечатной книги подробнее см. тсму 5, § 2.

век. Условно к гутенберговским изданиям причисляют группу книг, изданных в середине XV в., объединенных общим набором шрифтов и наборной практикой⁸. Старейшим печатным изданием И. Гутенберга считается “Фрагмент о Страшном суде” — часть так называемой “Сивиллиной книги”, сборника пророчеств легендарной прорицательницы Сивиллы. Выход в свет “Фрагмента” датируют 1440–1453 гг.⁹ Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XV в. И. Гутенберг также, по-видимому, печатал другую литературу, пользующуюся широким спросом, — донаты и календари. Наборные шрифты И. Гутенберга являлись одновременно результатом огромной технической работы, связанной с определением правильного состава сплава, и замечательным произведением каллиграфического искусства. За образец И. Гутенберг, естественно, взял господствующий в немецкой рукописной книге готический шрифт. Примечательно, что для своих изданий первопечатник изготовил весь набор знаков рукописной книги, включая характерные для манускриптов лигатуры и сокращения.

Среди наиболее известных изданий мастера необходимо отметить так называемую 42-строчную Библию, которая считается шедевром типографского искусства. Свое название это издание получило по количеству строк на странице. 42-строчная Библия — плод долгих трудов И. Гутенберга и его помощников. Работа над ее изданием шла четыре года — с 1452 по 1456 г. Набор текста производился в две колонки, каждая колонка и страница имеют строгие пропорции, в издании воссоздано все богатство рукописной книги, включая инициалы, рубрики и т. п. 42-строчная Библия состоит из двух фолиантов по 324 и 317 страниц; книга вышла тиражом 200 экз. (165 бумажных и 35 пергаменных)¹⁰.

И. Гутенбергу приписывают еще ряд изданий, из которых наиболее значительные так называемая 36-строчная Библия (1457–1458) и Майнцская Псалтырь (1457). Однако во второй половине 1450-х гг. И. Гутенберг, проигравший И. Фусту упомянутый судебный процесс, утрачивает контроль над предприятием.

Инкунабулы. Европейские первопечатники

Европейские первопечатные издания называются *инкунабулами*. *Инкунабулы* (от лат. *incunabula* — раннее детство, колыбель) — это книги, отпечатанные с наборных форм до 31 декабря 1500 г.¹ Как отмечено ранее (см. тему 1, § 1), существует даже отдельная научная дисциплина *инкунабулистика*, которая изучает инкунабулы. Ее существование, в частности, оправдано тем, что инкунабулы имеют ряд специфических черт, выделяющих их из общего корпуса печатных изданий и сближающих их с рукописной книгой. Это, во-первых, внешнее оформление книги — многочисленные сокращения, лигатуры, часто выполненные от руки миниатюры, рубрики, инициалы (место для которых специально оставлялось при печати). Во-вторых, это ряд особенностей архитектоники книги институционального характера. Среди таких особенностей следует указать на: 1) отсутствие пагинации (нумерации страниц)² в книге; 2) отсутствие выходных данных книги (места, даты издания, названия издательства, иногда даже имени автора); 3) отсутствие титульного листа в начале книги и на помещение заголовка на колофоне. Примечательно, что все эти “изъяны”, присущие рукописной книге, постепенно преодолеваются в ходе эволюции инкунабул.

Первым стал *нумеровать страницы* в 1470 г. печатник Николай Гётц, но широко в практику книгопечатания пагинация вошла только в конце XV в., с началом деятельности знаменитого типографа Альда Мануция, о котором речь впереди.

Первыми издателями, которые стали указывать на колофоне *полные выходные данные*, включавшие в том числе дату, место издательства, стали И. Фуст и П. Шёффер — речь идет о Майнцской Псалтыри 1457 г.,

¹ Ряд историков считает завершением периода инкунабул 31 декабря 1499 г.

² Так же как в рукописной книге, отсутствие нумерации страниц компенсировалось наличием нумерации листов (сигнатур) и кустодами — словами на нижнем поле, повторяющимися вверху следующей страницы. Сигнатуры и кустоды были необходимы для фальцовки листов и последующей брошюровки тетрадей. В производстве рукописной книги термин “кустоды” имеет другое значение (см. тему 2, § 4).

издании, основную работу по подготовке которого традиционно приписывают И. Гутенбергу. В литературе существуют предположения о том, что сделано это было как раз для того, чтобы подчеркнуть исключительные права И. Фуста и П. Шёффера и на издание Псалтыри, и на изобретение книгопечатания в целом¹¹. В данном издании появился еще один важный элемент печатной книги — “фирменный” издательский знак, помещаемый после колофона, — *сигнет*. Сигнет И. Фуста и П. Шёффера изображал два свисающих на ветвях щита с геральдическими знаками.

Первая книга, в которой *титульный лист* помещен вначале, — это “Астрономический или Астрологический календарь” Иоханна Региомонтана, изданный в 1476 г. в Венеции печатником Эрхардом Ратдольтом. Однако на титуле этой книги по-прежнему отсутствовали год издания и имя типографа (помещенные на колофоне). Первая книга, которая содержала титульный лист, включавший в себя все искомые элементы, вышла в свет только в 1500 г. (издание лейпцигского печатника Вольфганга Штёкеля).

Относительно численности инкунабул исследователи не пришли к единому мнению. Причины этого положения заключаются в многочисленных сложностях, связанных с методикой подсчета. В частности, особые трудности историки испытывают при датировке ряда невыходных изданий (время выхода в свет которых определяется по применявшимся шрифтам и филиграням использованной бумаги). Л. И. Владимиров приводит минимальные и максимальные оценки их количества и центров производства: 1100–1700 типографий в 200–300 городах, 35–45 тыс. различных изданий тиражом 10–20 млн. экз.; до наших дней сохранилось примерно 500 тыс. экз., разбросанных по разным мировым библиотекам¹². С 1904 г. происходит составление “Сводного каталога инкунабул”, в котором принимают участие ученые многих стран мира и которое продолжается по сей день.

Теперь кратко перечислим наиболее известных европейских печатников периода инкунабул. Начнем с *Германии* как со страны, являющейся родиной европейской наборной печати.

Реальным преемником И. Гутенберга становится зять и совладелец предприятия И. Фуста, упомянутый ранее *Петер Шёффер* (1420/30–1502). П. Шёффер родился в городе Гернсхейм, до того как попасть в Майнц, в мастерскую И. Гутенберга, прошел хорошую практику в Париже, в Сорбонском университете, где стал профессиональным каллиграфом. После смерти И. Фуста (1465) П. Шёффер становится единоличным владельцем предприятия, основанного И. Гутенбергом. Несмотря на непростые отношения с последним, можно с уверенностью сказать, что П. Шёффер оказался достойным преемником первопечатника. В частности, он проявил себя талантливым художником-шрифтовиком, разработав ряд новых шрифтов; в его изданиях, например, впервые применяется *греческий шрифт*. К числу типографских шедевров, выпущенных предприятием П. Шёффера, следует отнести 48-строчную Библию (1462), трактат “Об обязанностях” (De officiis) Цицерона, гербарий под названием “Сад здоровья” (Gart der Gesundheit), “Саксонскую хронику” (1492).

Говоря о начале немецкого и европейского книгопечатания, нельзя не упомянуть другого ученика И. Гутенберга — *Альбрехта Пфистера* (1410–1466). Этого мастера, работавшего в городе Бамберг, считают первым издателем *немецкой народной литературы*. Выпущенная им на немецком языке поэма Иоганна фон Сааца “Богемский землепашец” (1460) считается первым немецким печатным художественным произведением, а также первой печатной иллюстрированной книгой в Европе¹³. Однако наиболее известное издание А. Пфистера — это так называемая “Библия бедных” (Biblia pauperum), вышедшая в одном латинском и двух немецких изданиях.

Родоначальником “народных книг” как типа изданий был *Гюнтер Цайнер* (ум. 1478), организовавший типографию в Аугсбурге в 1468 г. Он подобрал тексты, которые пользовались спросом у широких слоев насе-

ления, и иллюстрации к ним. Впоследствии издания Цайнера, который “угадал” народный рынок, были повторены многими типографиями. Среди таких изданий – сборник житий святых “Пассиональ” (1471–1472), образцы религиозной литературы “Зерцало грешника” (1472), “Пленарий” (1473 и 1474), “Зерцало человеческого спасения” (1473) и т. п.¹⁴ Он же издал (1475) и первую Библию на “народном” немецком языке.

Другим крупным книгопечатником второй половины XV в. был *Антон Кобергер* (1440–е–1513) из Нюрнберга. А. Кобергеру удалось создать первую крупную *издательскую мануфактуру*. Его фирма, основанная в 1470 г., объединяла типографское, издательское дело и книготорговлю. Филиалы предприятия А. Кобергера были разбросаны чуть ли не по всей Европе (от Балтики до Адриатического моря; от Парижа до Кракова). За 40 лет издательской деятельности он выпустил в свет примерно 200 изданий. Наиболее известными из них были “Немецкая Библия” (1483), “Всемирная хроника” Хартманна Шеделя (1493) и “Апокалипсис” с иллюстрациями Альбрехта Дюрера (1498).

Среди других немецких первопечатников хочется также выделить Иоганна Нумайстера, Эрхарда Ройвинга (Майнц), Генриха Квентеля (Кёльн), Иоганна Ментелина (ученика И. Гутенберга, Страсбург), Генриха Эггштайна, Адольфа Руша (Страсбург), Иоганна Зензеншмидта (Нюрнберг), Лукаса Брандиса (Лейпциг), Бертольда Руппеля (Базель¹⁵) и многих других¹⁶.

Однако Германия недолго сохраняла монополию на наборное книгопечатание. Во второй половине XV в. оно проникло почти во все страны Европы. Считается, что толчком к широкому распространению “печатного искусства” и в Германии, и затем в разных частях Европы послужила так называемая Майнцская катастрофа 1462 г., когда город подвергся разорению в ходе “епископской войны” (связанной с борьбой за майнцский епископат), в результате которой многие мастера, в том числе печатники (ученики И. Гутенберга и П. Шёффера), бежали из Майнца, основав

собственное дело в разных городах и распространив таким образом секрет “печатного искусства”.

Помимо Германии крупнейшим центром книгопечатания на заре Нового времени (и это неудивительно) стала *Италия* — страна, ставшая центром и душой Возрождения. Достаточно сказать, что к 1500 г. в Германии была открыта 261 типография в 75 городах, а в Италии — уже 526 типографий в 24 городах¹⁷. Правда, на первом этапе большинство итальянских печатников были выходцами из Германии. Среди них надо отметить мастеров Конрада Свейнхема и Арнольда Паннартца, а также братьев Йоханна и Венделина из Шпейера, которые начали свое дело в Италии одновременно — в 1467 г.: первые двое мастеров обосновались в Риме, а братья из Шпейера — в Венеции. Последние особенно прославились изданием латинской классики (в частности, сочинений Цицерона) и первых печатных книг на итальянском языке (“Канцоны” Петрарки (1470), Библия на итальянском языке (1471) и др.). Венеция стала центром итальянского книгопечатания не случайно. К этому времени Венецианская республика — одно из богатейших государств Европы, крупнейший центр культуры Возрождения. К концу XV в. здесь действовало уже более 150 книгопечатных предприятий. Среди итальянских книгопечатников, работавших в других городах Италии, нельзя не упомянуть *Ульриха Хана* (опять-таки немца по происхождению), который в своей римской типографии первым начал печатать ноты наборными литерами (1476, ноты к “Римскому миссалу”).

Быстрое распространение книгопечатание получило и на территории *Франции*. Первая типография в Париже была организована в 1470 г. по инициативе Сорбонского университета, который пригласил из Германии печатников Мартина Крантца, Ульриха Гёринга и Михеля Фрибургера. Основной репертуар этой типографии составляли учебники и научные трактаты, написанные на официальном ученом языке той эпохи — латыни. Таким образом, мы можем охарактеризовать данное предприятие как первое *университетское издательство печатной книги*. Собственно пер-

вым французским национальным предприятием стала типография *Паскье Баннома*, который в 1476 г. выпустил первую печатную книгу на французском языке — это были “Большие французские хроники” в трех томах большого формата. Наиболее известным французским типографом XV в. считается *Жан Дюпре*, начавший свое печатное дело в Париже в 1481 г. По масштабам производства его мануфактура соперничала с нюрнбергским издательством А. Кобергера. Основной репертуар Ж. Дюпре — молитвенники (прежде всего, популярные часословы), религиозная литература на французском языке, как правило богато иллюстрированная. Ему удалось найти свою нишу на рынке — роскошные издания религиозной литературы, основным потребителем которых выступало феодальное дворянство. Такую литературу издавал и современник Ж. Дюпре — *Антуан Верар*. Впрочем, у него было и собственное ноу-хау на французском рынке — его репертуар в значительной степени составляли рыцарские романы, новеллы, исторические хроники.

В 70-е гг. XV в. в “клуб” книгопечатания вступает и *Испания*. Особенностью испанского печатного дела было то, что здесь изначально велика была роль церкви как заказчика книги. Показательно уже то, что первым печатным изданием, выпущенным и распространяемым на Иберийском полуострове, стали папские индульгенции (1472–1473). Первая испанская стационарная типография была основана немецким купцом *Якобом Визлантом* в 1475 г. в городе Валенсия; вскоре типографии появились в Саламанке, Севилье (Королевская типография, с 1496 г.), Барселоне и других городах. Именно барселонский печатник *Педро Поза* в 1493 г. напечатал массовым тиражом известие об открытии Нового Света Христофором Колумбом.

Другим крупнейшим центром книгопечатания была в недалеком будущем первая в мире буржуазная республика — *Нидерланды*. Правда, собственно республикой Нидерланды стали после буржуазной революции XVI в. В это время Нидерланды входили в состав герцогства Бургундского. Однако социально-экономические факторы, обусловившие первую

буржуазную революцию и создание здесь наиболее передовой в Европе экономической системы, уже набирали силу — было развито мануфактурное производство, товарно-денежные отношения, существовал слой богатой городской буржуазии. Как отмечено ранее, Нидерланды претендуют на право называться родиной книгопечатания. При этом действительная дата появления здесь печатной книги не установлена — существуют дошедшие до нашего времени фрагменты популярной книги “Зерцало человеческого спасения”, которые датируют всего несколькими годами позже 42-строчной Библии. Впрочем, точно датированные книги в Нидерландах появляются только в 1473 г., одновременно в Алсте (совместная типография немца Иоханна из Падерборна и голландца Тъери Мартенса) и в Утрехте (предприятие Николауса Кетелаара и Херардуса де Леемпта). Первой книгой утрехтских мастеров была *Historia scholastica*, последующие издания данной типографии также носили гуманистический характер. Существует мнение, что это было своеобразное университетское издательство, поставлявшее книги для преподавателей и студентов местного университета, — второе после университетского издательства Сорбонны¹⁸.

В странах, о которых шла речь выше, располагалось наибольшее количество типографских предприятий XV в.: в Италии — 526; в Германии — 261; во Франции — 157; в Испании — 77; в “маленьких” Нидерландах — 66. Однако типографии открывались и в других европейских странах — в Чехии и Швейцарии (с 1468 г.), в Польше и Венгрии (с 1473 г.), в Англии (с 1474 г.), в Словакии (с 1477 г.), в Дании (с 1482 г.), в Португалии (с 1487 г.) и т. д. Кроме упомянутых выше среди первых мастеров европейского книгопечатания необходимо выделить *Уильяма Кэкстона* (1421–1491), *Иоганна Цайцера* (до 1455 – после 1523), *Эрхарда Ройвиха* (вторая половина XV в.), *Эрхарда Ратдоля* (1447–1528) и др.¹⁹

Начало кириллического книгопечатания

Кириллическая (кирилловская)¹ наборная печать впервые появилась в Польше — стране, большинство населения которой пользовалось латинским алфавитом. На это были объективные социальные и политические причины. Все славянские народы (кроме черногорского и русского), использовавшие кириллицу, к концу XV в. собственной государственности не имели; в маленькой, изолированной от христианского мира Черногории книгопечатание началось на несколько лет позже; Россия же только что освободилась от татарского ига, сильно задержавшего ее экономическое и культурное развитие. В то же время Польша традиционно выступала в качестве культурного посредника между западным и славянским миром. Заслуга польского типографа немецкого происхождения (уроженца г. Нойшдадт) *Швайпольта Фиоля* (? – ум. после 07.05.1525) заключается в том, что он первым в 1491 г. начал печатать книги кирилловским шрифтом в своей краковской типографии. Книги, выпущенные Ш. Фиолем, носили религиозный характер и были рассчитаны на распространение среди проживавших в Польше православных христиан — это “Октоих” (1491), “Часослов” (1491), два издания “Триоди”: “Цветная” и “Постная” (1493). Его деятельность как книгоиздателя прекратилась после того, как он был привлечен к епископскому суду по обвинению в ереси.

В 1493 г. типография, выпускающая книги кирилловским шрифтом, открылась при дворе черногорского государя *Джурджа Црноевича* сначала в местечке Обод, а затем, в начале 1494 г., была перенесена в город Цетинье — древнюю столицу Черногории. Основным организатором этой типографии выступил иеромонах Макарий. То, что государство и церковь стали соинициаторами организации черногорской типографии, не случайно. В этот период Черногория (а вместе с ней и другие южнославянские

¹ Первая печатная глаголическая книга (католический Миссал, предназначенный для южных славян римско-католического вероисповедания) появилась в 1483 г. в Венеции, поскольку в это время в подчинении Венецианской республики находилась большая часть Хорватии.

народы) вела ожесточенную борьбу против мусульманского (турецкого) нашествия. Одним из важных элементов борьбы было религиозное слово — при дворе черногорского владыки в 1490-е гг. печаталась православная богослужебная литература (Октоих, Псалтырь, Четвероевангелие и др.)²⁰. В 1496 г. после захвата Цетинье турками типография прекратила свое существование.

Историческое значение наборного книгопечатания в Европе

Можно констатировать, что появление и развитие наборного книгопечатания создало принципиально новую книжную, а следовательно, и культурную ситуацию в Европе. Становление книгопечатания способствует развитию книжности на национальных языках. Переворот в технологии, связанный с изобретением книгопечатания, сделал книгу доступной широким слоям населения. Известный немецкий поэт и гуманист Себастьян Брандт в 1498 г. писал:

Прежде доступную лишь богачу и королевскому званию, ныне встретишь везде, даже в хижине книгу²¹.

В “Похвале книгопечатанию” (1499) Католикона Руана с восторгом описываются последствия “великого открытия”:

То, что прежний плут книгопродавец продавал за громадные деньги, теперь отдает за малую цену. В наше счастливое время ни одно сочинение не прячется (в одном экземпляре) в тайниках библиотеки. То, что было редкостью и для царя, и для князя, — книги — теперь всякий бедняк может купить²².

Демократизация книжной культуры имела далеко идущие последствия. С появлением книгопечатания наблюдался постепенный рост грамотности населения; информация о достижениях людей в разных профессиональных сферах стала распространяться быстрее; как следствие, происходит ускорение экономических и социальных процессов, переход в иное качество. Трудно представить себе, например, Реформацию (также

как и Контрреформацию) без печатного станка. Идеи Мартина Лютера, нашедшие в XVI столетии отклик у миллионов европейцев, его борьба с папством благодаря наборной печати в кратчайшие сроки распространились среди современников.

Не случайно, что в XV в. по всей Европе возникают “национальные памяти” — общие европейские легенды были по-новому прочитаны, и на их основе сконструированы мифы о единой Германии, Франции, Польше, Венгрии. С XV в. в ряде европейских государств появляются профессиональные хронисты-историки (Франция, Бургундия, Кастилия, Венгрия, чуть позже (с начала XVI в.) Венеция). Особо надо отметить, что создание “национальных памятей”, хотя и имело одним из источников заказ со стороны государственной власти, все же отражало общественный заказ в более широком смысле слова — иначе говоря, собственно процесс формирования наций. Однако важным и неременным условием успеха этого процесса было развитие наборного книгопечатания, которое позволило быстро утвердить новые представления об истории в общественном сознании. Огромными по тем временам тиражами издаются новые печатные версии национальных историй. Например, во Франции вслед за упомянутыми “Большими французскими хрониками” появляются труды Никола Жиля (Анналы и хроники Франции) и Большие хроники Гагена, которые становятся важнейшим источником формирования национальной памяти французов в XVI в.²³

Нелишним здесь будет привести слова Виктора Гюго, высказанные им по поводу изобретения книгопечатания:

Изобретение книгопечатания — это величайшее историческое событие. В нем зародыш всех революций. Оно является совершенно новым средством выражения человеческой мысли: мышление облекается в новую форму, отбросив старую. Это означает, что тот символический змий, который со времен Адама олицетворял разум, окончательно и бесповоротно сменил кожу. В виде печатного слова мысль стала долговечной как никогда. Она крылата, неуловима, неистребима²⁴.

Естественно, что такое значимое общественное явление, как книгопечатание, вызвало попытки регламентации и контроля со стороны традиционных общественных институтов, прежде всего государства и церкви. Увеличение тиражей, значения книги неизбежно приводит к возникновению цензуры. Первоначально основные цензурные функции выполняют органы инквизиции, запрещающие и уничтожающие еретические книги; в XV в. широко распространен также массовый погром еврейских типографий в Испании, организованный инквизицией. Огромное беспокойство у церкви вызвало и массовое издание Библии на народном языке — только в Германии до последовавшего в 1485 г. запрета майнцкого архиепископа вышло, начиная с цонтеровского издания 1475 г., 42 изданий Библии на “народном” (немецком) языке. Как показали дальнейшие события, беспокойство иерархов католической церкви не было напрасным. Началом государственной цензуры можно считать создание Цензурной комиссии города Майнца в 1486 г.²⁵

§ 2. Книга в XVI–XVII вв.

Культурные условия и репертуар

XVI век — очень напряженное, переломное время в европейской истории. 31 октября 1517 г. немецкий священник Мартин Лютер (1483–1546) прибил к воротам виттенбергской церкви свои знаменитые “95 тезисов”, которые в короткий срок с помощью типографского станка получили широкое распространение. В 1518 г. письмо Мартина Лютера к Иоганну Эку, ортодоксальному паписту, за два дня разошлось на Франкфуртской книжной ярмарке (тираж 1400 экз.)²⁶. В августе 1520 г. М. Лютер сделал следующий шаг и опубликовал обращение “К христианскому дворянству немецкой нации” — за неделю было распродано 4 тыс. экз.²⁷ Так началась Реформация. Без печатного станка, выпускавшего прокламации сторонников М. Лютера, это движение за сравнительно короткий срок вряд ли стало бы столь успешным. Ряд исследователей называет именно начало Реформации отправной точкой Нового времени, поскольку Реформа-

ция провозгласила ценности свободы и индивидуальности человека, столь важные для Запада в последующем. Между тем следует учитывать, что идеи идеологов реформации М. Лютера, У. Цвингли, И. Кальвина нашли широкий отклик в умах и душах людей именно потому, что они уже отражали новое состояние европейской ментальности. Новый взгляд на предназначение личности и ее роль в обществе имел далеко идущие последствия, в том числе широкие возможности для печатания книг на национальных языках (а не на церковной католической латыни). Это также делает письменное слово более востребованным — не случайно в XVI в. стремительно растет грамотность населения в Европе, и особенно в регионах, охваченных Реформацией. Не менее важны и изменения, происшедшие в XVI–XVII вв. в книжном репертуаре, — вытеснение религиозной литературы светской книгой.

Размывание структуры феодального общества, развитие буржуазии в сочетании с постоянным ростом грамотности населения приводили к постепенному расширению книжного рынка. Этот процесс в достаточной степени характеризуют следующие цифры роста европейского книгопечатания²⁸:

Год	Опубликовано книг
1500	946
1536	1486
1568	3745
1600	6078
1650	9723
1700	13368

Крушение единого прежде католического мира способствует формированию в XVI–XVII вв. национальных государств, что, в свою очередь, дает толчок развитию национальных европейских культур и книжных традиций. Религиозный вопрос, столь важный для общества в начале Нового времени, предопределяет длительное господство религиозной книги

в общей массе издаваемой литературы, хотя доля светских изданий неуклонно растет и по количеству названий, и по тиражам.

Среди факторов, определявших картину “книжного мира” Европы этих столетий, необходимо выделить культуру позднего Возрождения, деятельность эрудитов¹, рост промышленных сил и технической мысли, что делало востребованными философские и научные книги по разным отраслям знания.

Жанровое многообразие начала Нового времени по сравнению со средними веками очевидно — рынок насыщен самой различной продукцией: это религиозная литература и журналы мод, философские трактаты и поваренные книги, политические прокламации и учебники по игре в шахматы, партитуры опер и справочники по сельскому хозяйству, публицистические памфлеты и научные журналы и т. п. Новым типом издания, появившимся в данный период, стала газета (от *итал. gazetta*²), содержащая оперативную информацию об общественных событиях. Возникнув как информационный листок, выходящий в связи с тем или иным событием, европейская газета уже к началу XVII в. получает регулярный характер. Возможно, что первая периодическая еженедельная газета — это вышедшая в 1610 г. в Швейцарии *Ordinari Wochenzeitung*²⁹. Появление газеты отражало новую социальную ситуацию, в которой информация о

¹ Эрудиты — направление в историографии и источниковедении в XVII—XVIII вв., представители которого ставили задачу своими научными трудами в области библейской филологии и церковной истории укрепить авторитет католической церкви. Значительная часть эрудитов принадлежала к монашеским орденам бенедиктинцев и иезуитов. Деятельность эрудитов (Ж. Мабильон, М. Буке, Ж. Болланд, Д. Пето и др.) положила начало научной критике и научному изданию исторических источников.

² Итальянское слово *gazetta* происходит от названия мелкой венецианской монеты, за которую в XVI в. продавались листки (как правило, рукописные) со сводками новостей Венецианской республики. Сводки эти пользовались популярностью как в самой республике, так и за ее пределами, поскольку сообщали о важных событиях, происходящих в Европе и на Востоке, — Венеция играла роль крупнейшего торгового центра и, как следствие, пункта концентрации новостей. Поэтому впоследствии и другие новостные листки, появлявшиеся в европейских городах, получали наименование газеты.

текущих событиях политики и экономики стала востребована достаточно широкими кругами общества. Следующим шагом в развитии общественной печати было появление журнала — периодического издания, носящего не только информационный, но и общественно-аналитический характер. Родиной журнального жанра считается Франция. С 1665 г. в Париже издается первый регулярный журнал — “Журналь де саван” (“Журнал для ученых”).

В художественной литературе XVI–XVII вв. — целое созвездие авторов, чьи произведения стали актуальными для всего Нового времени (У. Шекспир, Л. де Вега, М. Сервантес, Ф. Рабле, Дж. Мильтон, Ж.-Б. Мольер, Т. Тассо, Ш. Перро и многие другие). В науке это время творчества таких ученых, как Л. да Винчи, Н. Коперник, А. Везалий, Дж. Бруно, И. Кеплер, Г. Галилей, У. Гарвей, Б. Паскаль, П. де Ферма, Р. Бойль, В. Снеллиус и др., в философии — таких мыслителей, как Эразм Роттердамский, Н. Макиавелли, Т. Кампанелла, М. Монтень, Ф. Бэкон, Д. Локк, Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс и др. Мысль и творческая воля таких людей, воплощенные в их книгах, создали культурный горизонт человечества Нового времени.

Палеотипы. Новоевропейский тип книги. Технология книжного дела

К началу XVI в. господство печатной книги в Европе уже было очевидным. Книги первой половины этого столетия (до 1551 г.) называют *палеотипами*, которые, так же как и инкунабулы, относятся к *первопечатным изданиям*.

В первой половине XVI в. в книжном деле наблюдалось дальнейшее развитие тенденций, начало формирования которых относится еще к предшествующему столетию. Прежде всего, речь идет о преодолении традиций рукописной книги в первопечатных изданиях. К середине века все основные элементы новоевропейского типа книги (титульный лист, нумерация страниц, колофон) уже окончательно сформировались в единую систему, общую для подавляющего большинства изданий. Таким об-

разом, палестипы можно рассматривать как переходный этап от инкунабул к *новоевропейской книге*. Надо отметить, что окончательное формирование таких элементов новоевропейской книги, как формуляр титульного листа и колофона, было обусловлено социальным фактором — требованием светских и духовных властей обозначать в издании место и время выхода книги и имя печатника. Это было вызвано стремлением контролировать процессы книгоиздания и распространения.

Перемены происходят не только во внешнем виде книги, но и в организации книжного дела и в технологии производства. Мы можем наблюдать два параллельных процесса в книжном деле этого периода — с одной стороны, становление крупных книжных домов (Альда, Кобергера, Эльзевиров, Плантенов и др.), деятельность которых далеко выходила за рамки не только города, но и страны, в которой располагалось издательство; такие предприятия имели в своем составе все элементы производственного цикла (собственно издательство, включавшее нанятых редакторов, художников и т. п., словолитню, гравировальную и переплетные мастерские, типографию, торговые лавки). С другой стороны, для массы более мелких предприятий происходит процесс размежевания сфер книготорговли и книгоиздания, а в рамках последнего — разделение функций издателя и типографа³⁰.

Крупнейшие западноевропейские издательства

Рассмотрим деятельность наиболее знаменитых европейских книжных предприятий XVI–XVII вв.

В книжном деле Италии рубежа XV–XVI вв. можно выделить несколько выдающихся мастеров. Однако наибольшую известность получила типографская и издательская фирма *Альда Мануция* (1447–1515), основанная в 1494 г. в Венеции и просуществовавшая до 1597 г. Издательство Альда по праву занимает важное место в истории Возрождения. Основной репертуар издательства — произведения античных авторов (Платон, Геродиод, Еврипид, Демосфен, Аристотель, Цицерон, Вергилий, Овидий, Пли-

ний Старший и др.) и гуманистов (Данте, Петрарка, Эразм Роттердамский и др.). Важно подчеркнуть научный характер изданий Альда, которые были тщательно отредактированы. Особую роль в деятельности издательства играла так называемая “Новая академия” — гуманистический кружок, созданный Альдом и помогавший издателю в подготовке рукописей к печати. Наиболее видной фигурой “Новой академии” был Эразм Роттердамский, лично подготовивший к публикации ряд произведений античных классиков (Плутарх, Сенека и др.).

Большая часть изданий Альда небольшого формата (1/8 листа), текст, как правило, набран убористым шрифтом. Такой подход позволил Альду окупить часть расходов на редактирование текста за счет удешевления себестоимости книги. Последнее достигалось также благодаря увеличению тиража (доходившего в некоторых изданиях Альда до очень значительной по тем временам цифры — 1000 экз.). В изданиях Альда, как правило, используется шрифт, изобретенный гуманистами, — антиква. На его основе по заказу Альда болонский резчик *Франческо Райболини* создал новый косой шрифт — *курсив*, который впоследствии широко вошел в издательскую практику для выделения заголовков или наиболее значимых мест текста. Предполагают, что в качестве прототипа для курсива был использован почерк каллиграфа Бартоломео Санвито или известного римского гуманиста Помпонии Лето³¹. Как отмечалось ранее, именно в изданиях типографии Альда впервые как норма утверждается практика *нумерации* страниц. Его издательской маркой стал дельфин, обвинившийся вокруг якоря. Иногда в изданиях Альда под типографским знаком встречается и избранный мастером девиз *Festina lente* (от *лат.* “Поспешай медленно”). Часто к своим изданиям он прилагал и собственный портрет.

Стремление Альда с помощью всех этих мер подчеркнуть принадлежность выпускаемых книг к своему издательству было связано, прежде всего, с большим количеством подделок “под Альда”, появившихся уже в начале XVI столетия, — можно сказать, что Альд стал одним из первых печатников, остро столкнувшихся с проблемой плагиата. По просьбе

Альда венецианский сенат даже принял специальный декрет (1502), в котором закреплял за Альдом исключительное право пользования изобретенными им шрифтами³².

Преемниками Альда Мануция после его смерти стали его тесть и компаньон Андреа Азалано (Торрезано), а затем сын Паоло Мануцио и внук Альд Младший, после смерти которого издательская фирма, основанная Альдом Мануцием, угасла. Книги, выпущенные этим издательским домом, именуются *альдинами*. Считается, что за время существования издательства им было выпущено более 1000 разнообразных изданий, принадлежавших перу около 80 авторов.

Другим крупным издательством раннего нового времени было семейное предприятие *Этьеннов*, существовавшее более полутора веков — с 1502 по 1660 г. Основатель фирмы — парижский типограф *Анри Этьенн (Стефанус)* (1460–1520). Деятельность Этьеннов, так же как и типографии Альда, началась под влиянием идей и ценностей эпохи Возрождения. Общеευропейское значение предприятие получило в период руководства им *Робера Этьенна* (1503–1559) — сына основателя дела.

Если Альд Мануций прославился созданием латинских шрифтов, то к заслугам Робера Этьенна можно отнести внедрение замечательного греческого шрифта, получившего наименование *королевский* и выполненного гуансонистом-резчиком типографии Этьеннов *Клодом Гарамоном* по заказу французского короля Франциска I. В числе издательских новаций Робера Этьенна — практика изданий с приведением текста *без сокращений*, вообще свойственных первопечатной книге (следовавшей долгое время этой “рукописной традиции”).

За время своего существования фирма выпустила более 1,5 тыс. изданий. Основной репертуар издательского дома составляла гуманистическая литература — комментированные издания древних греческих и латинских писателей, фундаментальные словари древних языков; издания Библии на разных языках (древнееврейский, греческий, латинский). Одним из наиболее известных изданий Робера стали “Сокровища латинского

языка” (1531). Показательно, что в 1551 г. из-за католической реакции кальвинист¹ Робер был вынужден эвакуировать гуманистическое издательство из Парижа в протестантскую Женеву (в Париже остался его брат Карл)³³. После смерти Робера семейное дело продолжил его сын Анри Этьен II (1528–1598), а затем его потомки и наследники.

Одним из наиболее известных издательских предприятий XVI в. была фирма *Плантена*. Ее основатель — француз по происхождению *Кристоф Плантен* (Plantin, Plantijn) (1514–1589), который, так же как и Робер Этьенн, будучи близким к гугенотам (так назывались французские протестанты-кальвинисты), по религиозным соображениям бежал из Парижа в голландский Антверпен — город хоть и находившийся в ту пору под владычеством католической Испании, но славившийся своей веротерпимостью. Здесь К. Плантен начинает собственное дело с организации переплетной мастерской в 1549 г., затем открывает собственную типографию (с 1555 г.), создает торговлю, открывает филиалы фирмы в Париже, Саламанке и протестантском Лейдене, превратив в дальнейшем свое дело в крупнейшее издательское предприятие Европы.

В чем заключался секрет успеха этого издателя? Прежде всего, в многообразии издательской программы при одновременном высоком типографском качестве выходящих в свет книг. К. Плантен, балансируя на грани основных идейных течений своего времени, выпускал продукцию, пользующуюся спросом в разных кругах интеллектуальной элиты: у гуманистов — великолепные издания античных авторов; у протестантских ученых — издания Библии и лексикографической литературы (наибольшую известность имели его “Четырехязычный лексикон” и “Многоязычная Библия” в 12 томах (1568–1573) на еврейском, латинском, греческом и арамейском); в католическом мире — издания литургической литературы (испанский король Филипп II даже предоставил типографу привилегию монопольного печатания литургической книги во владениях испанской

¹ Кальвинисты — последователи Жана Кальвина (1509–1564), основателя одного из направлений протестантизма.

короны). Большинство выпущенных им книг — это дорогие издания с высочайшим качеством иллюстраций (с его изданий в европейской книге начинается широкое использование гравюры на меди), ориентированные на состоятельные слои общества. Всего Домом К. Плантена при жизни его основателя было выпущено около тысячи изданий.

Издательский знак К. Плантена — опущенная из облака рука, держащая циркуль, и надпись: *Constatia et labore* (от лат. “Постоянством и трудом”). После его смерти по завещанию типографии отошли его зятям. Одна из них — антверпенская — перешла в собственность Иоанна Моретуса и проработала (выпуская главным образом литургическую и теологическую литературу) до 1867 г. В типографии К. Плантена свои первые шаги в профессии (в должности переплетчика) сделал основатель другого крупнейшего издательского дома — *Лодевейк Эльзевир* (1546–1617).

Свое собственное издательство Лодевейк Эльзевир создал в 1581 г. в Лейдене. Фирма *Эльзевиров* (*Elzevier, Elsevier*) просуществовала более 100 лет — до 1712 г. В числе представителей издательской династии Эльзевиров — Матиас (1564–1640), Бонавентура (1583–1652), Абрахам (1592–1652), Исаак (1596–1651), Даниил (1626–1680).

Л. Эльзевир начал свою деятельность в эпоху Нидерландской буржуазной революции и борьбы за освобождения страны от испанского гнета. После длительного противостояния в 1609 г. Испания вынуждена была заключить перемирие с мятежной республикой, что означало окончательную победу Нидерландской революции и освободительной войны. Победа буржуазных отношений способствовала экономическому процветанию страны, увеличению как покупательской способности собственного населения, так и возможности массового экспорта производимой в стране продукции, в том числе книг. После победы революции в Нидерландах был достигнут и тот уровень религиозной терпимости и политических свобод, которого в данный период не знал никакой другой регион Европы. Все это создает благоприятные условия для развития книжного дела, которые в полной мере использовала фирма Эльзевиров.

Центром издательского дома Эльзевиров были Нидерланды (Лейден, Амстердам). Однако филиалы фирмы были разбросаны по всей Европе — в Англии, Германии, Франции, Италии, Дании. Основной репертуар издательства — античная классика, научная и учебная книга. Целый ряд ученых сочинений, имевших фундаментальный характер, был также выпущен этим издательством, в том числе знаменитая книга Галилео Галилея “Математические беседы и доказательства” (1637). Эльзевиры одними из первых поняли преимущества *серийных* изданий. Наибольшей популярностью пользовалась серия “Республики” (*Respublicae*)¹, в томах которой давались сведения по географии, культуре, экономике отдельных стран. Например, в 1630 г. вышел том “Россия, или Московия, а также Тартария”. Всего Эльзевирами было издано более 2,2 тыс. книг, около 3 тыс. университетских диссертаций¹¹.

Новации, внесенные Эльзевирами в технологию книжного дела, можно отнести к трем основным направлениям — новые книжные шрифты, новые книжные форматы, новые формы книжной торговли.

Дом Эльзевиров разработал несколько типов шрифтов, наиболее распространенный из которых (простой и изящный шрифт для малоформатных изданий) получил название *эльзевир* и широко используется до сих пор. На его основе были созданы гарнитуры шрифтов на разных языках — древнегреческом, арабском, немецком, итальянском и т. п. Разработка различных “национальных” шрифтов была обусловлена логикой развития предприятия — в конце XVI в. основной продукцией фирмы были книги на латинском языке, а к середине XVII в. большая часть изданий выходила уже на новых языках — главным образом на французском (международный язык Европы того времени).

¹ Название “Республики” следует воспринимать в историческом контексте как “страны” или “государства”, а не в смысле республиканского политического устройства.

¹¹ Диссертации в то время представляли собой печатные тезисы объемом 10–30 страниц.

Эльзевиры также пошли по пути удешевления себестоимости книги, открытому Альдом Мануцием, — уменьшая формат издания при максимальном увеличении тиража. Они ввели в употребление необычно малые форматы в 1/16 и 1/24 листа. Однако поистине фирменным форматом (получившим название *формат-эльзевир*) обладали издания в 1/12 листа. Этот формат как бы вытянут, удлинён, выходит за пределы пропорции, кратной 2. Книги такого формата удобны при переноске — появляется понятие “карман для книги”. Открыв таким образом эпоху карманной книги, Эльзевиры создали и значимый сегмент рынка — путевую литературу.

Немало нового Эльзевиры внесли и в практику книжной торговли. Л. Эльзевир был одним из первых организаторов *книжных аукционов*. Торговля компании носила международный характер и осуществлялась не только в странах, где у фирмы были филиалы, но и по всей Европе — в Париже, Лейпциге, Копенгагене, Кёльне, Лондоне, Франкфурте-на-Майне и других городах. Важно, что кроме торговли своей продукцией Эльзевиры вели торговлю книгами и других фирм, одновременно контролируя значительную долю букинистического рынка.

Известно несколько фирменных знаков, использовавшихся династией Эльзевиров. Первый из них изобрел Л. Эльзевир — изображение орла с пучками стрел и девизом: *Condordia parvae res crescunt* (от *лат.* “В согласии возрастают малые дела”). В дальнейшем появились другие знаки. Наиболее известные из них — изображение богини мудрости Минервы с совой и изображение глобуса звездного неба (так называемая сфера Эльзевиров³⁴).

Среди других крупных западноевропейских печатников XVI–XVII вв. выделим французских печатников Жосса Бадиуса (Асцензиуса) (1462–1535), Себастьяна Гриффиуса (1493–1556), базельского немца Иоганна Фробена (1460–1527), англичанина Джона Дея (1552–1584), нидерландских издателей: знаменитого картографа Герарда Меркатора (1512–1594), Корнелиуса Клааса (1546/47–1609), Йодокуса Хондиуса (1563–1612),

Виллема Блау (1571–1638) и его сына Иоанна Блау (1596–1673), Вискана Ереванци (1614–1674). Этот список, конечно, можно продолжить.

Бурное развитие книгопечатания в Европе и колонизация Нового Света естественно привели к экспорту традиции и технологий европейского книгоиздания в Америку. В Латинской Америке книгопечатание появилось вместе с испанскими колонизаторами — первая книга в Мексике была отпечатана в 1540 г. в первой в Новом Свете типографии печатника Иоганна Кромбергера³⁵. Репертуар англоязычной североамериканской книги на первых этапах ее развития отличался религиозным и “освободительным” характером, что было обусловлено пуританским¹ мировоззрением первых волн эмиграции. Первая книга в Северной Америке (не случайно, что это были псалмы на английском языке) отпечатана в 1639 г. Стефаном Дэем в Бостоне. В том же году он опубликовал “Альманах на 1639 г.” и “Клятву свободного гражданина”, в 1641 г. вышел в свет “Свод свобод” — первый свод законов колоний. К концу XVII в. общее число печатных изданий, появившихся в Америке, превысило 900 названий³⁶.

Кириллическое книгопечатание

Третьей по времени типографией, после типографий Ш. Фиоля и Д. Црноевича, печатающей книги кирилловским шрифтом, стала типография Макария, основанная в 1508 г. в городе Трогвиште (Валахия), четвертой — созданная в Венеции в 1512 г. типография Дж. Рускони. Однако в первую очередь из славянских кириллических книгопечатников XVI в. следует указать на *Франциска Скорину* (до 1490–1541). Ф. Скорина — уроженец белорусского города Полоцка, входившего в то время в состав Великого княжества Литовского. По-видимому, начальное образование он получил в центре (столице) княжества — городе Вильно (Вильнюсе). В 1504–1506 гг. Ф. Скорина учился в Краковском университете в Польше

¹ Пуритане (от лат. *puritas* — чистота) — последователи кальвинистов в Англии и Америке, выступавшие за углубление Реформации, против господства официальной англиканской церкви.

(напомним, что именно в Кракове незадолго до этого Ш. Фиоль проводил первые опыты кириллического книгопечатания). В 1512 г. Ф. Скорина сдал экзамены на степень доктора медицины в Падуанском университете (Италия). В середине 1510-х гг. он перебирается в Чехию, в Прагу, где в 1517 г. открывает собственное печатное дело.

Для Ф. Скорины книгопечатание было, прежде всего, инструментом для реализации его просветительской программы и религиозно-философских взглядов. В предисловиях к своим изданиям он подчеркивает, что его просветительская цель — дать возможность читателю “познать мудрость и науку”. Будучи православным и издавая книги для православных, Ф. Скорина в определенном смысле находился под влиянием круга религиозных идей того времени. Не случайно, что в одном из его изданий библейских книг помещен портрет Мартина Лютера; есть предположения о влиянии на Ф. Скорину и идей чешской Реформации — в частности, практики проповеди вероучения и богослужения на родном языке (которые, в свою очередь, связаны с идейным наследием гусизма¹), — и одного из радикальных идеологов протестантизма Томаса Мюнцера. Во всяком случае, очевидна направленность изданий Ф. Скорины против православной церковной схоластики. Это отразилось как в переводе христианских церковных книг на народный (белорусский, или “русский”, как считал сам Скорина) язык, так и на просветительских комментариях к тексту, имевших мало общего с ортодоксальным православием.

Итак, одной из основных заслуг Ф. Скорины является осуществление в 1517–1519 гг. первого перевода Библии на русский (точнее, белорусский) язык и ее печать кирилловским шрифтом. У него, по-видимому, были веские причины для организации своего предприятия именно в Праге. В Чехии — на родине предреформационного движения — существовали прочные традиции перевода Библии на национальный язык, да и сам чеш-

¹ Гусизм — раннереформаторское движение в Чехии, основанное Яном Гусом (1371–1415) в начале XV в., носившее национально-освободительный характер; одним из элементов гусизма была пропаганда проповеди Священного писания на родном языке (Ян Гус перевел Библию на чешский язык).

ский язык был лингвистически близок белорусскому книгопечатнику. Немаловажно и то, что в Праге, одном из основных ремесленных центров Европы, наличествовали хорошие технические условия для осуществления этого замысла. Основным источником Библии Скорины — Чешская Библия издания 1506 г.³⁷ Среди других предполагаемых источников-упомянутые выше латинская Вульгата и церковнославянская Геннадьевская Библия 1499 г.³⁸ Издание Ф. Скорины называлось “Библия руска выложена доктором Франциском Скориной из славного града Полоцка”. Свою Библию Ф. Скорина издавал отдельными книгами (всего вышло 23 выпуска ветхозаветных книг). Каждую книгу он снабжает вступительными замечаниями и подробными комментариями, превращая ее в своеобразную энциклопедию, — он поясняет основные понятия, упоминаемые в тексте, с точки зрения географии, естествознания, истории. По-видимому, Ф. Скорина завершил перевод Библии, однако полностью опубликовать его мастеру не удалось — очевидно, из-за недостатка средств.

Предположительно в 1520 г. Ф. Скорина переезжает в Вильно, где рынок сбыта для кириллических книг был более широким. Однако организация типографии и здесь была делом хлопотным и непростым — первое вильнюсское издание Скорины “Малая подорожная книжица” (сборник религиозных гимнов и молитв, в том числе Псалтырь и другие церковные тексты) выходит в свет только в 1522 г. Пожалуй, наиболее известным (и, вероятно, самым массовым) изданием Ф. Скорины стал Апостол 1525 г., рассчитанный на широкое распространение. Для Скорины было жизненно важно добиться поддержки православного населения. В 20-е гг. XVI в. он предпринимает поездку в Москву ко двору Василия III, пытаясь предложить свои издания в единственном на тот момент самостоятельном православном государстве. Однако печатник наталкивается на негостеприимный прием — его книги объявляются еретическими и сжигаются. Провал московского предприятия, семейная тяжба, в которую оказался вовлечен мастер, предполагаемое уничтожение виленской типографии в ходе пожара 1530 г., необходимость отвечать по долгам покойного брата Ивана

привели к разорению Ф. Скорины. В 1530-е гг. он возвращается в Прагу, где заканчивает свои дни в должности королевского садовника (белорусский ученый-энциклопедист кроме всего прочего обладал обширными познаниями в ботанике) при дворе императора Фердинанда I Габсбурга.

С точки зрения печатного искусства все издания Ф. Скорины можно считать образцовыми. Вышедшие из его типографии книги собрали в себе все ценное, что было характерно для славянских рукописей и западноевропейской первопечатной книги,— титульный лист, гравюра, заставки, концовки, орнамент и т. п.³⁹ Деятельность Ф. Скорины дала толчок развитию славянского книгопечатания на землях Великого княжества Литовского, которое в XVI в. существовало в ряде городов (Брест, Вильнюс, Несвиж, Слуцк и др.). Наиболее известными печатниками, использовавшими кириллический шрифт, были *Симон Будный* (1530 (?) – 1584)⁴⁰ и *Василий Тяпинский-Омельянович* (конец 30-х гг. XVI в. – 1609), которые во многом следовали типографским традициям Ф. Скорины. Об уроженцах Великого княжества Литовского славянских печатниках Иване Федорове и Петре Мстиславце (который по некоторым предположениям являлся учеником Ф. Скорины) подробнее будет сказано далее (см. тему 5, § 1).

Особое значение для распространения книжной культуры среди южных славян имела типография воеводы *Божидара Луковича* (1465–1540) и его сына *Виченце Вуковича* (ум. после 1575), основанная в 1518 г. в Венеции, ставшей прибежищем многих сербских и черногорских эмигрантов после турецкого завоевания.

Книгораспространение. Государственная и церковная цензура

Рост книжного производства, грамотности, развитие европейской экономики, появление издательств, ориентированных на международную торговлю, способствуют формированию уже в XVI в. общеевропейского книжного рынка. Показателем его формирования стала организация интернациональных *книжных ярмарок*. Наибольшее значение получила

книжная ярмарка во *Франкфурте-на-Майне*, проводившаяся с XV в. В XVII в. начала действовать ярмарка в другом крупнейшем немецком книжном центре — *Лейпциге*. Как отмечено ранее, с XVI в. происходит процесс обособления книжной торговли, возникают так называемые сортиментеры — книжные торговцы, которые сами ничего не издавали⁴¹, а в XVII в. возникает и специализированная букинистическая торговля.

Книгопечатание на несколько порядков увеличивает количество книг, находящихся в общественном обороте, что предопределяет дальнейший прогресс библиотечного дела. В XVI–XVII вв. в Европе происходит массовая организация общественных библиотек, так называемых библиотек ратуш, или городских библиотек. Прежде всего такие библиотеки открывались в немецких реформаторских регионах — Кенигсберге, Эльбинге, Любеке, Гамбурге и других городах⁴².

В XVI–XVII вв. усиливается тенденция государственного и церковного регулирования сферы книгоиздания и книгораспространения. Конечно, во многом это было обусловлено той религиозной борьбой, которая шла в то время. Первый закон, согласно которому все печатные издания должны были проходить *предварительную цензуру*, был принят в Испании (одной из самых религиозно-консервативных стран католического мира) в 1502 г. В 1513 г. V Латеранский собор запретил издавать книги без разрешения епископов. Вормсский эдикт (1521), направленный против Лютера, предусматривал введение предварительной цензуры в Германии; в 1538 г. предварительная цензура вводится в Англии, в 1561 г. — во Франции. В 1559 г. Ватикан начал печатное издание “Индекса запрещенных книг”, имевших хождение в католическом мире (его последнее издание вышло в 1948 г.)⁴³. В 1571 г. была учреждена специальная Конгрегация “Индекса”, следившая за его соблюдением и пополнением. В “Индекс” были включены многие произведения Нового времени, открывавшие новые интеллектуальные горизонты и не вписывающиеся в рамки католической догматики — сочинения М. Лютера, Эразма Роттердамского, Т. Компанеллы, Дж. Бруно, Ф. Рабле, Дж. Боккаччо, Н. Макиавелли и др.

Уровень развития государственной цензуры в условиях идеологической борьбы XVI–XVII вв. зависел от эффективности церковной цензуры. Государственная цензура замещала церковную там, где последняя не обладала достаточными репрессивными рычагами. Не случайно, что наиболее последовательно система государственной цензуры на заре Нового времени была организована в Англии — стране, в которой уже в XIV в. произошла эмансипация государственных и общественных институтов от влияния папизма, а в XVI в. — становление государственной религии — англиканства¹. В 1556 г. в Англии создается гильдия писчебумажников (Stationers' Company), члены которой, согласно королевской привилегии, несли ответственность за качество и содержание продаваемой литературы. Любое книгопечатание вне гильдии запрещалось; в 1559 г. цензура была передана в ведение Комитета Королевского совета (так называемая “Звездная палата”), создан штат чиновников, осуществляющих предварительную цензуру. С 1566 г. вводится законодательство, предусматривающее систему репрессивных мер против нарушителей цензурных запретов. В 1585 г. был запрещен выпуск книг во всех городах, кроме Лондона, Кэмбриджа и Оксфорда; еще более жесткие ограничения вводил декрет “Звездной палаты” 1637 г. Несмотря на то что Английская революция упразднила “Звездную палату” (1641), уже в 1643 г. цензура по решению парламента была возобновлена. Напрасна была речь к парламента автора запрещенного цензурой “Потерянного рая” Дж. Мильтона, произнесенная в 1644 г.: “Убить хорошую книгу — то же, что убить хорошего человека. Тот, кто убивает человека, убивает разумное создание, подобие Божие; тот же, кто уничтожает хорошую книгу, убивает самый разум, убивает образ Божий как бы в зародыше”⁴⁴. Реставрация Стюартов лишь способствовала усилению цензуры (“Акт о Лицензировании” 1667 г.). Только к концу XVII в., когда накал религиозного противостоя-

¹ Англиканство — ветвь протестантизма, в которой соединены лютеранский догмат о спасении личной верой и католический догмат о спасающей силе церкви; сохранена церковная иерархия, главой церкви провозглашается английский монарх.

ния в стране снизился, произошло укрепление гражданских институтов, стал возможен отказ от предварительной цензуры (1695), с сохранением, впрочем, механизмов жесткого судебного преследования за “пасквилы” в адрес правительства и англиканской церкви. Англия, пожалуй, первая страна, где в условиях господства государственной цензуры возникают тайные нелегальные типографии (печатавшие главным образом пуританскую литературу)⁴⁵.

С некоторым опозданием к XVII в. система государственной цензуры сформировалась в других европейских странах — причем протестантские государства устанавливали цензурные порядки, зачастую не менее строгие, чем католические. Во всей Европе господствовала предварительная цензура, известным исключением являлись только Нидерланды и некоторые немецкие княжества, после заключения Вестфальского мира 1648 г., закрепившего религиозное равноправие в империи.

Первопечатная книга: культурное значение и национальные тенденции

Ранее мы уже отметили выдающуюся роль книги в информационной системе и жизни общества начала Нового времени. Печатная книга имеет важное значение для изменения религиозной и идеологической ситуации в Европе. По словам Виктора Гюго:

Шестнадцатый век окончательно сокрушает единство церкви. До книгопечатания реформация была бы лишь расколом; книгопечатание превратило ее в революцию. Уничтожьте печатный станок — и ересь обессилена. По предопределению ли свыше или по воле рока, но Гутенберг является предтечей Лютера⁴⁶.

В XVI в. закрепляются принципы оформления новоевропейского типа книги, формируется общеевропейский книжный рынок; однако в дальнейшем мы вправе говорить о некоторой приостановке технологического развития книжного дела. Определенную роль здесь сыграли общие социальные тенденции, такие как Контрреформация, “второе закрепощение”

крестьян, которые были обусловлены реакцией феодальной аристократии на надвигающиеся перемены и консервировали феодальные порядки и систему ценностей. Эти тенденции тормозили рост грамотности в Европе, сужали круг потребителей книги. Примечательно, что наиболее роскошные издания XVII в. — книги, составлявшие традиционный круг чтения аристократии, — посвящены военному делу, коневодству, путешествиям, искусствам. Первые же издания У. Шекспира, Дж. Мильтона, Ж. Расина, М. Сервантеса, Ж.-Б. Мольера и других авторов, чьи имена, собственно, и остались в качестве “культурных символов” этого времени, как правило, выходили в свет в виде куда менее качественных изданий⁴⁷. Богатство европейской первопечатной книги сосредоточено в многочисленных хранилищах по всему миру, в том числе и в России⁴⁸.

Беглый взгляд на развитие книжной культуры в европейских странах в XVI–XVII вв. демонстрирует безусловную зависимость книжного дела не только от характера социально-экономического развития и уровня культуры населения, но и от степени идеологической терпимости, стремления государства вмешиваться в книжное производство и торговлю. Не случайно, что крупнейшим центром книгопечатания в начале Нового времени была маленькая республика — Нидерланды. В таких “книжных” странах, как Италия или Франция, периодически появлялись так называемые королевские издания — роскошные книги, являющиеся памятниками типографского искусства (например, издания типографии, открытой в Лувре в 1640-е гг.). Однако “законодателями” в типографском деле оставались главным образом голландцы. Во второй половине XVI–XVII в. определенная застой наблюдался и на родине печатной книги, в Германии, в основном ввиду внутренних проблем — а именно той разрушительной религиозной борьбы, которая происходила в этой стране⁴⁹.

Социальные, политические и культурные перемены в Европе, произошедшие с начала Английской революции, окончательно делают крушение старых порядков неизбежным. В XVIII в., так же как и в предшествующие

столетия, книга выступает как важнейший субъект социальных процессов.

§ 3. Книга в XVIII в. Эпоха Просвещения

Просветительская идеология и репертуар книги

XVIII век часто называют эпохой Просвещения. Идеи Просвещения, захватившие в это время умы европейской интеллигенции, были неразрывно связаны с предшествующим культурным опытом (гуманистические идеалы Возрождения, религиозные искания Реформации, философия рационализма второй половины XVII в. и т. п.) и выражали стремление заменить воззрения, основывающиеся на политическом или религиозном авторитете, такими, которые следуют из требований человеческого разума. Так возникают такие важные для будущего западной цивилизации интеллектуальные положения, как доктрина “естественных прав”, “общественного договора”¹ и др. Эти идеи, так же как и связанный с ними культ знания, просветители пытались распространить среди широких народных масс. Поэтому неотъемлемыми элементами просветительской программы были светское образование, развитие естественных наук и воспитание нового, “просвещенного” взгляда на мир.

Центром идей европейского просвещения XVIII в. становится Франция — прежде всего, потому, что именно здесь они могли найти наибольшую социальную поддержку. Именно реализация просветительской программы превратила эту страну в XVIII в. в бесспорный центр мировой книжной культуры. Вторым по значению центром европейской книжно-

¹ Естественное право — восходящее к античной философии учение просветителей XVII–XVIII вв. о том, что право уже существует в природе, т. е. заложено в сущности человека, и поэтому вне зависимости от времени и места рождения, сословной принадлежности все люди обладают равными “природными”, или “естественными”, правами.

² Теория “общественного договора”, разработанная французскими просветителями XVIII в. (прежде всего, Ж.-Ж. Руссо), гласила, что государство — это результат общественного договора между людьми, по которому часть воли (свободы) конкретного человека передается государству взамен на гарантии защиты его личных прав и собственности.

сти в XVIII в. становится буржуазная Англия, где в условиях относительной политической свободы на основе идей Просвещения формируются доктрины консерватизма и либерализма. Самой книжной страной “в пересчете на душу населения” по-прежнему оставались маленькие Нидерланды.

Итак, когда мы говорим о XVIII в. как об эпохе французского, европейского и западного Просвещения, мы, прежде всего, имеем в виду именно книжное и литературное просвещение. С одной стороны, труды Ф. Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, Д’Аламбера, Б. Франклина получили огромное распространение и влияние в обществе благодаря развитости книжного рынка и, с другой стороны, несомненно идеологически способствовали росту книжной культуры.

Просветители вполне отдавали себе отчет в значении книги как орудия воздействия на читателей. Характерны в этом смысле высказывания Вольтера:

Подумайте, что весь наш известный мир, кроме диких, руководствуется книгами (Евангелие. Коран, Конфуций, Веды, Зороастр). Если вы ведете процесс, — ваше имущество, ваша честь, даже ваша жизнь зависит от толкования книги. Кто руководит человеческим родом в образованных странах? — те, кто умеет читать и писать. Вы не знаете ни Гиппократ, ни Бургава, ни Сиденгама. но Вы отдаете ваше тело в распоряжение тех, кто их читал. Вы оставляете вашу душу тем, которым платят за чтение Библии⁵⁰.

Одним из важнейших инструментов распространения идей просветителей стали справочные издания — энциклопедии. Конечно, сами по себе энциклопедии не были изобретением эпохи Просвещения. Первая энциклопедия (как справочник по различным отраслям знания) появилась еще в 1620 г. в Нидерландах. Но XVIII в. дал совершенно новый тип энциклопедии как всеобъемлющего свода знаний. Всемирную известность получила энциклопедия французских просветителей, редактировавшаяся Д. Дидро и Д’Аламбером. Она называлась “Энциклопедия или Толковый словарь наук, искусств и ремесел”, издавалась с 1751 по 1780 г. и составила

35 томов. С 1772 г. под влиянием французской начинает издаваться и Британская энциклопедия.

Репертуар просветительской книги обширен. Кроме многочисленных энциклопедий и справочников он включал в себя художественную литературу (прежде всего, издания классиков Нового времени — авторов XVIII в. Д. Дэфо, Дж. Свифта, Бомарше, К. Гальдони, Г. Филдинга, В. Гете, Р. Шеридана, О. Голдсмита, Ф. Шиллера, У. Блейка, Р. Бернса и др.), философские произведения (Дж. Вико, Ф. Вольтера, Ж-Ж. Руссо, Д'Аламбера, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Х. Вольфа, И. Канта и др.), выдающиеся научные исследования (труды И. Ньютона, Я. Бернулли, К. Линнея, Л. Эйлера, Дж. Пристли, А. Л. де Лавуазье, Л. де Лангранжа, К. Ф. Гаусса и др.). Более широко, чем когда бы то ни было, развивались периодические издания — альманахи, журналы, газеты. В XVIII в. впервые появляется особый род книжности — литература для детей, что было связано с изменением статуса детей в обществе, с осознанием их в качестве особой группы читателей. XVIII век — время, когда завершается процесс захвата мира и раздела колоний между европейскими державами, что дает новый толчок к подготовке и изданию обширной картографической литературы.

Результатом деятельности просветителей можно считать и то, что в XVIII в. впервые в истории европейской книги литература *светского содержания* не только по количеству названий, но и по общему числу изданий и тиражам *оттесняет религиозную литературу*⁵¹. Общее количество книг, опубликованных в XVIII в., по сравнению с предшествующим столетием возрастает в 1,7 раза и достигает 1637196 названий⁵². Книжное производство в XVIII в. выглядит следующим образом⁵³:

Год	Количество названий вышедших книг
1700	13 368
1736	16 000
1768	17 302

Центры книгоиздания. Совершенствование технологии

Лидирующие позиции в мировом книгоиздании в XVIII в. занимает Франция — в частности, здесь работают знаменитые издательские дома *Дидо* и *Казена*, функционирует (с 1769 г.) Типографское общество, организованное *Пьером Руссо* и *Морисом Вейссенбрухом*. В течение 20 лет Типографское общество распространяло по миру книжки Ф. Вольтера, К. А. Гельвеция, О. Мирабо, Д. Дидро и других авторов, а вместе с ними и идеи французского Просвещения.

Среди крупных книгоиздателей XVIII в. отметим английские предприятия семей *Тонсон*, *Линтон* и *Лонгмен*, одну из старинных немецких семейных фирм *Котта* (основана еще в 1659 г. в Тюбингене), две немецкие фирмы, расположенные в Лейпциге, — книгоиздательский дом *Брейткопф* (основан в 1719 г.; с 1798 г. *Брейткопф* и *Хертель*) и издательство *Г.И. Гёшена* (с 1785 г.), а также берлинское предприятие *И.Ф. Унгера* (с 1780 г.); нидерландские издательства *Люхматсов* (с 1683 г.) и *М.-М. Рея* (с 1744 г.); французское издательство семьи *Дидо* (с 1713 г.); испанского издателя *Ибарру-и-Марина* (1725–1785), издательское дело американского ученого и общественного деятеля *Б. Франклина* (с 1729 г.).

XVIII век — время зарождения индустриального хозяйства на Западе, в целом и в частности пора значительного технологического прогресса в области книжного дела. Пожалуй, наиболее важным здесь явилось изобретение *стереотипии* (от греч. *стерео́с* — твердый и *τύπος* — отпечаток) — способа изготовления копий печатной формы — *клише*. До этого с одной печатной формы можно было сделать примерно 400 оттисков, теперь появилась возможность значительно увеличить тираж, просто изготовив необходимое количество клише без производства нового набора

шрифта¹. Считается, что изобретение и широкое внедрение в типографскую практику стереотипии является заслугой нескольких европейских типографов — голландца *Иоганна Мюллера*, шотландца *Уильяма Гедда* и француза *Фирмена Дидо*.

Другое важное достижение, произошедшее в XVIII в., стало становление типометрии — системы единых измерений шрифта, формата и объема книги. Основные заслуги в этой области принадлежат двум французам — *Пьеру Симону Фурнье* (1712–1768) и *Франсуа Амбруазу Дидо* (1730–1804). Шрифтолитейное дело для Пьера Симона Фурнье было наследственным — он возглавил словолитную мастерскую, приобретенную его отцом *Жаном Клодом Фурнье* у известного словолитчика XVII в. *Гильома Ла Бе*. Среди созданных Пьером Симоном шрифтов наибольшую известность получил шрифт под названием “Фурнье-антиква” — в 1926 г. он был приспособлен для буквоотливных машин “Монотип”. Но главное его изобретение — типографская система измерения шрифтов, в своей основе применяемая и сегодня. Впервые эта система была предложена П. Фурнье в 1737 г., но наиболее полное обоснование получила в известном труде “Руководство по типографскому делу” (в двух томах, 1764–1766). Впоследствии систему П. Фурнье уточнил Ф. Дидо.

В общих чертах система Фурнье—Дидо выглядит следующим образом. Один королевский фут (12 дюймов) равняется 144 линиям, 1 линия — 16 пунктам. Двенадцать пунктов составляют 1 *цицера*ⁱⁱ, 48 пунктов (4 *цицера*) — один квадрат. В переводе на более понятную нам метрическую систему получается, что в 1 м содержится 2660 типографских пунктов, таким образом, 1 пункт равен 0,3759 мм. В соответствии с системой Фур-

¹ Подробнее о технологии механического книгопечатания см. тему 5, § 2, и тему 7, § 2.

ⁱⁱ Название размера этого типографского шрифта произошло от *лат.* Cicero (Цицерон). Причиной этому послужило то, что впервые (в 1467 г.) шрифтом такого размера были отпечатаны “Письма” Марка Туллия Цицерона. Впоследствии шрифт *цицера* стал использоваться главным образом для набора текста детских книг и учебников для первых лет обучения.

ные-Дидо были разработаны основные размеры типографского шрифта, названия которых приняты и сегодня⁵⁴:

2 пункта — *нон плю ультра*;

3 пункта — *бриллиант*;

5 пунктов — *перл*;

6 пунктов — *нонпарель*;

7 пунктов — *колонель*;

8 пунктов — *петит*;

9 пунктов — *боргес*;

10 пунктов — *корпус*;

12 пунктов — *цицера*;

14 пунктов — *шиттель*;

16 пунктов — *терция*.

Среди других известных типографов и словолитчиков XVIII в. необходимо отметить изобретателей шрифтов: англичан *Уильяма Келзона* (1692–1766) и *Джона Баскервиля* (1706–1775) и особенно итальянца *Джамбатисту Бодони* (1740–1813), чье издательское предприятие располагалось в Парме. Расцвет творчества Д. Бодони приходится на 1790-е гг. Он известен как разработчик огромного количества (около 700) шрифтов для разных алфавитов, в том числе русского, которые составили основу для интенсивного развития искусства шрифта в XIX столетии. Искусство Бодони оказало огромное влияние на традицию искусства шрифта. Итальянский печатник называл шрифт главным средством оформления книги:

Любая книга тем совершеннее, чем отчетливее в ней простая красота букв. В этом выражается и на этом основывается слава искусства книгопечатания... Одни только буквы и являются необходимым и достаточным элементом книги, все прочее существует благодаря им⁵⁵.

Выдающимися немецкими издателями и разработчиками новых типов немецких шрифтов (так называемой *фрактуры*¹ — готического шрифта) были *Иоганн Фридрих Унгер* (1753–1804) и *Иоганн Готтлоб Иммануэль*

¹ Фрактура (лат. fractura от frango — ломаю) — термин, первоначально применявшийся в Германии как эквивалент термину “текстура” для книжного письма.

Брайткопф (1719–1804). В то же время немецкий писатель и издатель Фридрих Иоганн Юстин *Бертух* (1747–1822) выступил решительным сторонником замены фактуры антиквой, шрифты этого типа активно разрабатывались и использовались в его типографии, основанной в 1791 г. в Веймаре⁵⁶.

В русле идей Просвещения в XVIII в. впервые был поставлен вопрос об изданиях для слепых. Французский тифлопедагог *В. Гаюи* изобрел *рельефно-линейный шрифт*, которым в 1786 г. было напечатано первое издание для слепых — “Краткая французская грамматика”. В XIX в. разработку технологии издания для слепых продолжил Л. Брайль (см. тему 9, § 2).

Существенных высот в XVIII в. достигла книжная иллюстрация, которая также была поставлена на службу идеям Просвещения. Широкую известность, например, получили гравюры немецкого графика польского происхождения *Даниэля Николауса Ходовецкого* (1726–1801), иллюстрировавшего произведения Г. Э. Лессинга, И. В. Гете и других авторов немецкого Просвещения. Особое место в истории книжного искусства второй половины XVIII в. занимает творчество английского поэта и художника-гравера *Уильяма Блейка* (1757–1827), создававшего иллюстрации к собственным произведениям. Он, как деятель книжного дела, известен, прежде всего, разработкой нового способа печати — художник гравировал весь текст и иллюстрации к нему на медных досках, в его книгах рисунки окружали текст со всех сторон, составляя единый художественный ансамбль. В числе таких изданий — “Песни невинности” (1789), “Брак неба и ада” (1793), “Песни опыта” и др. Кроме своих произведений У. Блейк издавал таким образом произведения А. Данте, Э. Юнга и других авторов⁵⁷.

В XVI–XVII вв. происходит постоянный процесс усовершенствования печатного станка; постепенно деревянные узлы заменялись металлическими, совершенствовалась их конструкция⁵⁸. В числе знаменитых типографов, внесших существенные улучшения в устройство печатного стана,

— *Виллем Янзон Блау* (1571–1638), швейцарец *Вильгельм Хааз* (1741–1800), *Пьер Франсуа Дидо* (1731–1793). Наконец, XVIII в. заканчивается весьма значимым усовершенствованием ручного печатного станка англичанином *Чарльзом Стенхоупом* (1753–1816). В 1798 г. он изобретает *цельнометаллический печатный стан* (первый станок изготовлен в 1800 г.), который выдерживал большее давление, чем все прежние конструкции, и позволял значительно повысить производительность труда.

Книгораспространение и цензура

В XVIII в. происходит дальнейший рост книжного рынка. Связано это, прежде всего, с общим ростом грамотности европейского населения, что, в свою очередь, обусловлено разнообразными факторами — от идеологии Просвещения до требований, предъявляемых экономикой к рынку труда. В XVIII столетии возникает и активно развивается *специализированная* книжная торговля, организованная как по отраслям знаний, так и по иным издательским критериям (“лавки новинок”, “галереи эстампов” и пр.). Одновременно происходит постепенное разрушение старинных форм книготорговли, связанных с прежним сословным укладом общества. Например, с упразднением в 1791 г. во Франции средневековых корпораций был упразднен и Синдикат книготорговцев и тем самым сняты цеховые ограничения, обеспечена свобода независимого предпринимательства⁹.

В XVIII в. продолжается интенсивное развитие библиотечного дела. Его центром становится Германия — причина, как ни парадоксально, заключается в ее раздробленности и “феодалной отсталости”. Почти каждый из многочисленных германских князей считал своим долгом способствовать развитию публичной “княжеской” библиотеки в своей земле; одновременно развивались многочисленные городские и университетские библиотеки. Крупнейшей библиотекой Европы была Придворная библиотека в Вольфенбюттеле — резиденции брауншвейгских герцогов. На рубеже XVII и XVIII вв. этой библиотекой руководил *Готфрид Вильгельм Лейбниц* (1646–1716) — крупнейший ученый и философ, который пред-

ставлял библиотеку как центр науки и просвещения и дал новую классификацию наук, принятую за основу новых принципов каталогизации библиотечных фондов. Образцовой научной библиотекой, которая изначально была ориентирована на планомерное приобретение научной литературы по разным отраслям знания, стало книжное собрание *Гёттингенского университета*. Заслуга в его организации и такой постановке дела во многом принадлежит первому директору библиотеки данного университета — *Готтлобу Хейне* (1729–1812).

В XVIII в. происходит складывание большинства национальных библиотек. Как правило, основой будущего собрания становились библиотеки, принадлежавшие монархам. В 1753 г. для читателей открывается Библиотека Британского музея, в основу которой были положены книжное собрание антикара елизаветинской эпохи Роберта Коттона, Харлеанская библиотека герцогов Оксфордских, а также Королевская библиотека, переданная королем Георгом II (1727–1760). В 1793 г. открывается для публики Королевская библиотека в Копенгагене. В 1795 г. на базе бывшей Королевской библиотеки создается Национальная библиотека в Париже. В 1774 г. “национальная библиотека” появляется в Речи Посполитой (на основе частной книжной коллекции известных польских библиофилов — братьев Залусских)⁶⁰.

Впрочем, государственное участие в книжном деле отнюдь не ограничивалось покровительством библиотекам и книжному искусству. Государство в XVIII в. по-прежнему пыталось в собственных интересах регулировать процессы книгоиздательства и книгораспространения с помощью цензуры. При этом в Англии мы наблюдаем постепенное ограничение свободы печати по мере укрепления в обществе гражданских свобод, в континентальной Европе, напротив, усиливается процесс регламентации производства и торговли книгами. В 1723 г. во Франции принимается цензурный кодекс Людовика XV (1715–1774). Никакая книга в стране не могла быть напечатана без разрешения полиции и цензуры; устав искусственно сохранял цеховые ограничения в торговле и производстве книг,

что позволяло контролировать как общее число типографий и магазинов, так и каждого печатника и торговца. Не менее жестким был и цензурный устав 1777 г. Людовика XVI (1774–1793). Впрочем, несмотря на цензурный запрет торговать и печатать книги, “враждебные” религии, королю, государству и “чистоте нравов”, издания, содержавшие опасные для власти идеи, регулярно выходили. Причина отчасти заключалась в финансовой составляющей королевской цензуры — за разрешение любого издания, как периодического, так и непериодического, королевская казна взимала солидный денежный сбор. Значительную долю таких налоговых поступлений абсолютистскому режиму давала и та самая просветительская литература, которая и подтачивала его основы.

Предварительная цензура продолжает господствовать и в других монархических государствах. Постепенно усиливается цензурный гнет и в Германии. Особо жесткий цензурный режим устанавливается в Пруссии — законодательство Фридриха-Вильгельма II (1786–1797) предусматривает тотальную предварительную цензуру⁶¹. Таким образом прусский политический режим реагировал на революционные события, происходящие во Франции.

Культурное и политическое значение просветительской книги

Просветительская книга подготовила фундаментальные перемены в европейском обществе — индустриальную революцию и переход к демократическому способу организации политической власти. Впрочем, необходимо отметить, что революционные потрясения, связанные с торжеством “новых идей”, так же как и во времена Реформации, были кровавыми. В годы Французской революции печать выступила одновременно в роли и одного из основных ее инструментов, и жертвы. Неограниченная свобода печати, провозглашенная в “Декларации прав человека и гражданина” 1789 г., превратила ее в главное поле информационной войны, которая успешно была выиграна сторонниками республики. Однако очень скоро якобинская диктатура провозгласила:

Всякий будет привлечен к ответственности перед революционным трибуналом и наказан смертью, кто бы ни был изобличен в составлении и в печатании сочинений, которые провозглашают восстановление во Франции королевской власти или распушение Национального Конвента (Постановление Конвента от 29 марта 1793 г.)⁶².

На основании этого постановления было отправлено на гильотину множество неугодных революционерам писателей, журналистов, редакторов и издателей. Наполеон, пришедший к власти путем подавления революции, если не юридически, то фактически восстановил предварительную цензуру. Однако сама постановка вопроса о принципиальном недопущении государственной цензуры, поднятого в годы Французской революции, была чрезвычайно важна. Под несомненным влиянием «Декларации прав человека и гражданина» создавался «Билль о правах» (1791), вошедший в Конституцию США. Статья 1 «Билля о правах» гласит, что конгресс «не должен издавать законов... ограничивающих свободу слова или печати»⁶³. США стали первым государством, где декларация о законодательной отмене цензуры достаточно последовательно проводилась в жизнь.

Эпоха Просвещения завершила процесс секуляризации европейской культуры, окончательно утвердив в качестве основы издательского репертуара светские издания. Не менее важно то, что XVIII в. открывает эпоху массовой книги, ориентированной не на конкретное сословие или общественную группу, а на большинство населения. Впрочем, окончательное торжество «массовой» книжной культуры приходится уже на следующее — XIX столетие.

* * *

Итак, с переходом к наборному книгопечатанию архитектура книги претерпела существенные изменения. Формирование новоевропейского типа книги связано с оптимизацией ее структуры, размеров, внешнего вида и т. п. Резко, на несколько порядков, растет книгоиздание и книгораспространение; существенно расширяется репертуар, значительно увели-

чивается читательская аудитория. Издательское и книготорговое дело становится важной отраслью экономики.

Впрочем, куда более важно то значение, которое изобретение книгопечатания в Европе имело не только для книжной культуры европейских народов, но и в целом для восприятия людьми окружающего мира. В отличие от дальневосточной цивилизации, где книгопечатание стало лишь одним из инструментов традиционной цивилизации, в Европе наборное книгопечатание, напротив, способствовало коренным социальным преобразованиям — европейскую историю и культуру Нового времени невозможно представить себе без печатного станка. Естественно, что эти перемены стали возможны только благодаря уникальному сочетанию общекультурных, социальных и тех технологических предпосылок, которые давало книгопечатание. “Галактика Гутенберга” изменила самый способ восприятия информации человеком Нового времени, создав так называемое линейное мышление, более критическое и рациональное по своей сути, чем мышление, ориентированное на зрительный образ. Кроме всего прочего книгопечатание стало одним из важных факторов глобальной экспансии европейской цивилизации.

¹ Цит. по: В обществе королей мысли. На память любителям книг. Изречения и афоризмы. Пг., 1914. С. [13].

² Там же.

³ *Варбанец Н. В.* Иоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе / *Н. В. Варбанец*. М., 1980. С. 114.

⁴ Если у китайских ученых этот вопрос сомнений не вызывает — они однозначно убеждены в том, что изобретения И. Гутенберга имеют дальневосточные корни, — то для многих “гутенберговедов” эта тема по сей день является открытой (см.: *Немировский Е. Л.* Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты / *Е. Л. Немировский*. М., 2000. С. 46–48).

⁵ По другим сведениям, прозвание “Гутенберг” происходит от названия отцовского подворья в Майнце (см.: *Варбанец Н. В.* Иоханн Гутенберг... С. 117).

⁶ См., напр.: *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги / Л. И. Владимиров. М., 1988. С. 97–98; *Баренбаум И. Е.* История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. М., 1973. Вып. 4: Германия. С. 4.

⁷ Цит. по: *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 100–101.

⁸ См.: *Варбанец Н. В.* Современное состояние Гутенберговского вопроса / Н. В. Варбанец // Пятьсот лет после Гутенберга. М., 1968. Ср.: *Баренбаум И. Е.* История зарубежной книги... Вып. 4: Германия. С. 7.

⁹ *Кестнер И.* Иоганн Гуттенберг / И. Кестнер. Львов, 1987. С. 46.

¹⁰ См.: *Функе Ф.* Книговедение. Исторический обзор книжного дела / Ф. Функе. М., 1982. С. 33. Со ссылкой на немецкого ученого Л. Хоффмана Л. И. Владимиров приводит другие данные — первоначальный тираж 42-строчной Библии был установлен в 158 экз., но с увеличением спроса вырос до 180 экз. (*Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 101).

¹¹ *Варбанец Н. В.* Иоханн Гутенберг... С. 200–202.

¹² *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 102.

¹³ См.: *Нессельштраус Ц. Г.* Немецкая первопечатная книга. Декорировка и иллюстрации / Ц. Г. Нессельштраус. СПб., 2000. С. 56.

¹⁴ Там же. С. 76–77.

¹⁵ Базель во второй половине XV в. находился еще в составе Германии. Только в 1501 г. город вошел в состав Швейцарского союза.

¹⁶ *Функе Ф.* Книговедение... С. 36–45.

¹⁷ *Щелкунов М. И.* История, техника, искусство книгопечатания / М. И. Щелкунов. М. ; Л., 1926. С. 108.

¹⁸ См.: *Шомракова И. А.* Всеобщая история книги / И. А. Шомракова, И. Е. Баренбаум. СПб., 2005. С. 47.

¹⁹ См.: *Немировский Е. Л.* Шедевры и мастера / Е. Л. Немировский, Б. П. Самородов. М., 1990. Увлекательный рассказ о европейских инкунабулах, судьбах их изучения содержится в блестящей научно-популярной работе Э. Д. Родса "Изучение раннего европейского книгопечатания и коллекционирования" (*Rhodes E. D. Studies in Early European printing and Book Collecting* / E. D. Rhodes. London, 1983).

²⁰ *Йовичевич М.* Цетинье / М. Йовичевич [и др.]. Загреб, 1987. С. 9–11.

²¹ Цит. по: *Варбанец Н. В.* Иоханн Гутенберг... С. 282.

²² Цит. по: *Шляпкин И. А.* Похвала книге / И. А. Шляпкин. Пг., 1917. С. 113.

²³ См., напр.: *Гене Б.* История и историческая культура Средневекового Запада / Б. Гене. М., 2002. С. 380–382.

²⁴ *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери : [пер. с фр. Н. А. Коган] / В. Гюго. Минск, 1954. С. 155.

²⁵ *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. М., 2001. С. 4.

²⁶ *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 132.

²⁷ См.: *Лютер М.* 95 тезисов / М. Лютер; сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. СПб., 2002. С. 652–653. По сведениям Л. И. Владимиров. 5000 экз. за пять дней (см.: *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 132).

²⁸ Составлена по: *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 132–133.

²⁹ Впрочем, в литературе называются и другие, близкие по времени, названия периодических изданий начала XVII в., выпускавшихся в западноевропейских городах

(см., напр.: *Бюхнер К.* Происхождение газеты / К. Бюхнер // *История печати : антология / сост., коммент. Я. Н. Засурского, Е. Л. Вартаковой. М., 2001. Т. 2. С. 22–23*)

³⁰ См., напр.: *Молдавская М. А.* Развитие книготорговли во Франции / М. А. Молдавская // *СВ. Вып. 10. С. 124–133.*

³¹ См.: *Степанова Л. Г.* Из истории первых итальянских грамматик: неизданные заметки современника на полях трактата Пьетро Бембо “Беседы о народном языке” (1525, кн. III) / Л. Г. Степанова. СПб., 2005. С. 43–44.

³² *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 142–143.

³³ В 1555 г. сам Карл Этьенн погиб во французской тюрьме, после чего дело Этьеннов в Париже перешло той ветви семьи, которая была верна папскому престолу. Впрочем, ничего значительного из этого издательства не вышло (см.: *Steinberg S. H.* Five Hundred Years of Printing / S. H. Steinberg. London, 1995. P. 38–42).

³⁴ *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги... С. 152–153.

³⁵ *Булгаков Ф. И.* Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства / Ф. И. Булгаков. СПб., 1889. С. 169.

³⁶ *Шомракова И. А.* Всеобщая история книги. С. 86.

³⁷ *Мыльников А. С.* Чешская книга. Очерки истории / А. С. Мыльников. М., 1971. С. 88–89.

³⁸ См.: *Копреева Т. Н.* Скорина и русская рукописная книжная традиция XV в. / Т. Н. Копреева // *Белорусский просветитель Франциск Скорина и начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Федоровские чтения – 1977. М., 1979. С. 63–70.*

³⁹ См.: *Шматов В. Ф.* Искусство книги Франциска Скорины / В. Ф. Шматов. М., 1990. С. 186–187.

⁴⁰ См.: *Немировский Е. Л.* Шедевры и мастера. С. 127–134.

⁴¹ *Виноградова Л. А.* История книжной торговли / Л. А. Виноградова [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 33.

⁴² *Володин Б. Ф.* Всемирная история библиотек / Б. Ф. Володин. СПб., 2002. С. 88–90.

⁴³ См., напр.: *Беспалова А. Г.* История мировой журналистики / А. Г. Беспалова [и др.]. Ростов н/Д., 2000. С. 13–14.

⁴⁴ Цит. по: *Мильтон Д.* О свободе печати / Д. Мильтон // *История печати...Т. 1. С. 4.*

⁴⁵ См.: *Новомбергский Н.* Освобождение печати во Франции. Германии, Англии и России. Лекции, читанные в Русской высшей школе общественных наук в Париже / Н. Новомбергский // *История печати...Т. 1. С. 296–318.*

⁴⁶ *Гюго В.* Собор Парижской Богоматери. С. 157.

⁴⁷ *Levae N.* The art & history of books / N. Levae. New Delhi, 1982. P. 218–219.

⁴⁸ Благодаря деятельности русских библиофилов и коллекционеров (А. С. Строгонов, П. П. Дубровский, Н. П. Бируков, Н. П. Лихачев и др.) в России оказались интересные собрания инкунабул, палеотипов, книг известных издательств (в том числе эльзевиров, альдин) (см.: *Указатели и каталоги инкунабулов : каталог выставки. М., 1979; Соколов С. И.* Каталог Эльзевиров Библиотеки Имп. Московского и Румянцевского музея / С. И. Соколов. М., 1915; *Бируков Н. Н.* Эльзевиров библиотеки Н. Н. Бирукова в Москве / Н. Н. Бируков. М., 1917; *Киселева Л. И.* Эльзевиров библиотеки Академии наук / Л. И. Киселева // 250 лет библиотеки АН СССР. М. ; Л., 1965. С. 333–341.

⁴⁹ См.: *Levae N.* The art... P. 217–234.

⁵⁰ Шляпкин И. А. Похвала книге / И. А. Шляпкин. Пг., 1917. С. 116.

⁵¹ *Levae N.* The art... P. 235.

⁵² Колмаков П. К. Мировая статистика книжной продукции и опыт исчисления ее итогов от начала книгопечатания / П. К. Колмаков // Книга: Исследования и материалы. М., 1968. Сб. 16. С. 86.

⁵³ Составлена по: Там же.

⁵⁴ *Немировский Е. Л.* Изобретение Иоганна Гутенберга... С. 159–161.

⁵⁵ Цит. по: Птахова И. И. Простая красота буквы / И. И. Птахова. СПб., 2004. С. 108. См. также: Бодони Д. О письменности и книгопечатании / Д. Бодони // Книгопечатание как искусство. Типографы и издатели XVIII–XX веков о секретах своего ремесла. М., 1987. С. 59–84.

⁵⁶ См.: Унгер И. Ф. Попытка создания нового вида немецких литер / И. Ф. Унгер // Книгопечатание как искусство... С. 54–50; Бертух Ф. И. Ю. О типографической роскоши в связи с изданием полного сочинения Виланда / Ф. И. Ю. Бертух // Там же. С. 51–58.

⁵⁷ См.: Некрасова Е. А. Уильям Блейк / Е. А. Некрасова. М., 1960; Она же. Творчество Уильяма Блейка / Е. А. Некрасова. М., 1962.

⁵⁸ См.: *Немировский Е. Л.* Изобретение Иоганна Гутенберга... С. 139–152.

⁵⁹ История книжной торговли. С. 33.

⁶⁰ См.: *Володин Б. Ф.* Всемирная история библиотек. С. 127–135.

⁶¹ *Новомбергский Н.* Освобождение печати... С. 278–279.

⁶² Там же. С. 220.

⁶³ Билль о правах // Конституции государств Американского континента. В 3 т. / под ред. Г. С. Гурвича. М., 1959. Т. 3. С. 41.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аронов В. Р. Эльзевиры / В. Р. Аронов. – М., 1975.
- Баренбаум И. Е. История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. – М., 1972. – Вып. 1: Франция.
- Баренбаум И. Е. История зарубежной книги : учеб. пособие / И. Е. Баренбаум. – М., 1978. – Вып.4: Германия.
- Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве / сост. В. А. Эльвова. – М., 1985.
- Варбанец Н. В. Иоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе: Опыт нового прочтения материала / Н. В. Варбанец. – М., 1980.
- Верещагин В. А. Русская и иностранная книга. XV–XIX вв. / В. А. Верещагин. – СПб., 1914.
- Денисов Л. И. Первопечатники Иоганн Гутенберг и Иван Федоров / Л. И. Денисов. – М., 1908.
- Зарин А. Е. Первый книгопечатник: И. Гуттенберг и история изобретения книгопечатания / А. Е. Зарин. – М., 1915.
- Зилинг Э. В. Жизнь и деятельность Иоганна Гутенберга (Актовые свидетельства и ранние источники) : автореф. дис... канд. филол. наук / Э. В. Зилинг. – М., 1969.
- Кестнер И. Иоганн Гутенберг / И. Кестнер. – Львов, 1987.
- Киселева Л. И. Эльзевиры библиотеки Академии наук / Л. И. Киселева // 250 лет библиотеки АН СССР. – М. ; Л., 1965. – С. 333–341.
- Книгопечатание как искусство. Типографы и издатели XVIII–XX веков о секретах своего ремесла. – М., 1987.
- Лазурский В. В. Альд и альдины / В. В. Лазурский. – М., 1977.
- Лебедев А. П. История запрещенных книг в Западной церкви // Лебедев А. П. История запрещенных книг на Западе. Итальянское духовенство в одну из средневековых эпох: Исследования по истории Церкви Средних веков и Нового времени. – СПб., 2005. – С. 44–78.
- Люблинский В. С. На заре книгопечатания : пособие для учителей / В. С. Люблинский. – Л., 1959.
- Молдавская М. А. Зарождение капитализма в книгопечатном производстве во Франции в первой половине XVI в. / М. А. Молдавская // СВ. – 1955. – Вып. 7. – С. 152–173.
- Молдавская М. А. Положение и условия труда рабочих-печатников Лиона и Парижа в первой половине XVI в. / М. А. Молдавская // СВ. – 1959. – Вып. 14. – С. 108–116.

- Молдавская М. А. Развитие книготорговли во Франции / М.А. Молдавская // СВ.-1957. – Вып. 10. – С. 124–133.
- Мыльников А. С. Чешская книга / А. С. Мыльников. – М., 1971.
- Немировский Е. Л. Возникновение славянского книгопечатания / Е. Л. Немировский. – М., 2003. – (История славянского кирилловского книгопечатания. Кн. I).
- Немировский Е. Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты / Е.Л. Немировский. – М., 2000.
- Немировский Е. Л. Иоганн Гутенберг. Около 1399–1468 / Е. Л. Немировский. – М., 1989.
- Немировский Е. Л. Начало книгопечатания в Белоруссии и Литве. Жизнь и деятельность Франциска Скорины. Описание изданий и указатель литературы / Е. Л. Немировский. – М., 1978.
- Немировский Е. Л. Начало книгопечатания у южных славян / Е. Л. Немировский. – М., 2005. – Ч. 1: Источники и историография. Предпосылки; Ч. 2: Издания первой черногорской типографии. – (История славянского кирилловского книгопечатания. Кн. II).
- Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания / Е. Л. Немировский. – М., 1971.
- Немировский Е. Л. Шедевры и мастера / Е. Л. Немировский, Б. П. Самородов. – М., 1990.
- Палей И. Р. Как люди научились печатать / И. Р. Палей. – М., 1931.
- Проскуряков В. М. Иоганн Гутенберг / В. М. Проскуряков. – М., 1933.
- Указатели и каталоги инкунабул : каталог выст. / сост. Н. П. Черкашина и др. – М., 1979.
- Франциск Скорина и его время : энцикл. справ. – Минск, 1990.
- Харламова Т. Гутенберг и изобретение книгопечатания / Т. Харламова. – М., 1893.
- Черский Л. Иоганн Гутенберг и Иван Федоров / Л. Черский. – М., 1913.
- Щелкунов М. И. История, техника, искусство книгопечатания / М. И. Щелкунов. – М. Л., 1926.
- Якерсон С. М. Инкунабулы на семитских языках (древнееврейском и арамейском) и их место в европейской книжной культуре : автореф. дис. канд. филол. наук / С. М. Якерсон. – Л., 1989.
- Ястребицкая А. Л. О развитии капиталистических отношений в книгопечатном производстве немецкого города / А. Л. Ястребицкая // Вестник МГУ. – 1958. – №3. С.141–158.

ТЕМА 5. КНИЖНОЕ ДЕЛО В РОССИИ В XVI–XVII ВВ.

§ 1. Идеология и состояние культуры общества.

Причины начала книгопечатания

В XVI в. основным заказчиком книги в России по-прежнему выступали государство и церковь, что и определяло характер книжного репертуара — основную массу русской книги этого периода составляла религиозная и церковная литература, а также книги, служившие инструментом укрепления самодержавного государства и его идеологии (см. тему 3). В этом смысле репертуар не претерпевает значимых изменений — издаются евангелия, псалтыри, требники, часословы, триоди, другая церковная литература; летописная и нормативная литература по заказу государственной власти. Однако введение книгопечатания в значительной степени меняет ситуацию в книжной культуре, делая книгу потенциально доступной широким слоям общества.

Введение книгопечатания в русском государстве — важнейшее событие в истории национальной культуры. Следует отметить несколько основных факторов, способствовавших началу книгопечатания в Московском государстве. Важнейшим политическим фактором, естественно, было формирование институтов русского централизованного государства в XV–XVI вв., поскольку Московское государство изначально выступало в качестве не просто крупнейшего, но основного заказчика произведений в разных областях культуры, в том числе книжной. Можно с уверенностью констатировать, что стремление к культурной унификации и, выражаясь современным языком, к созданию единого “информационного пространства”, диктуемое идеологией молодого русского самодержавия, нигде не проявилось с такой силой, как в области национальной книжности. В этой связи достаточно отметить ряд обобщающих предприятий конца XV–XVI вв.: Геннадиевская Библия, Степенная Книга, Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав, Великие Четьи Минеи, Домострой (см. тему 3, § 3). В

таких условиях для правящей элиты становилась все более ясной необходимостью усовершенствования технологической стороны книжного дела. В этой связи весьма показательны решения Стоглава — знаменитого церковного собора, созванного в 1551 г. На нем, в частности, поднимался вопрос о том, что “божественные книги писцы пишут с неисправленных переводов, а написав, не правят же, опись к описи пребывает, и недописи и точки непрямые. И по тем книгам в церквах Божиях чтут, и поют, и учатся, и пишут с них. Что о сем небрежении и о великом нерадении от Бога будет по Божественном правиле”¹. Стоглав вменял в обязанность духовным лицам изъять из употребления неисправные книги и следить за перепиской новых. В нем была приведена широкая образовательная программа (создание “училищ книжных по всем городам”). Хотя в решениях Стоглава нет упоминания книгопечатания, понятно, что только оно могло стать настоящим средством борьбы с искажением канонических текстов, и только оно могло способствовать реализации программы собора в области школьного дела, требующей массового изготовления книг, по которым в то время учили грамоте (тех же псалтырей и часословов).

В 1550-е гг. территория Московского государства значительно увеличивается — в его состав входят земли бывших Казанского ханства (1552), Астраханского ханства (1556), Ногайской орды (1557). В присоединенных землях активно строятся православные церкви, ведется миссионерская деятельность — все это требует обеспечения церковными книгами, что сложно выполнить без значительного ускорения и удешевления производства книги.

Важным организационным моментом, давшим необходимый толчок книгопечатанию (впрочем, как и другим реформам Ивана IV), считается деятельность Избранной Рады (1547–1560). Выражаясь современным языком, Избранная Рада — это “команда”, которая разрабатывала стратегию реформ Ивана Грозного. Среди наиболее известных фигур, входивших в Раду, были дворянин Алексей Адашев, священник Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр, митрополит Макарий (один из

основных организаторов Стоглава), князь А. М. Курбский. То, что идея книгопечатания возникает именно в кругу Рады, сомнению не подлежит. Однако вопрос о степени участия высоких государственных мужей в подготовке первых печатных изданий остается открытым. Во всяком случае, нам кажется обоснованной высказанная много лет назад точка зрения А. С. Орлова о том, что Иван Федоров и Петр Мстиславец (о деятельности которых речь впереди) являлись только “конечными исполнителями” той работы, которая проходила в Раде с 1553 г.² Кроме деятелей Избранной Рады к числу лиц, способствовавших становлению русского книгопечатания, традиционно причисляют и известного публициста, переводчика и философа Максима Грека (1470–1556) — во-первых, потому, что он одним из первых указал на необходимость исправления богослужебных книг, во-вторых, потому, что он призывал к началу книгопечатания в Москве. В числе идеологов книгопечатания называют и другого выдающегося публициста XVI в., также пропагандировавшего “книжное учение”, — старца Артемия. Таким образом, политические и организационные условия для появления книгопечатания в Москве в 50–60-е гг. XVI в. были благоприятными.

Материально-технические предпосылки для появления книгопечатания в России в данное время также были вполне достаточными. Общеизвестно, что “становлению и развитию книгопечатания в Москве способствовала многовековая история различных русских ремесел”³, прежде всего высокий уровень таких ремесленных операций, как гравирование по металлу, чеканка и литье. Это позволило русским мастерам быстро освоить технику типографского шрифта.

Само собой разумеется, что первоначально русская печатная книга следовала традициям книги рукописной. В историографии считается общепризнанным (Д. С. Лихачев, Н. Н. Розов, Е. Л. Немировский и др.), что все элементы русской книги сложились в рукописной традиции настолько устойчиво, что книгопечатание на первых порах старалось имитировать рукопись, воспроизводить ее механическими средствами. Это наблюдение

справедливо для всех этапов издательского процесса: брошюровки, листового формата, оформления миниатюр. Последние, так же как, например, инициалы, выполняются в технике гравюры и как важный элемент присутствуют в печатной книге. Безусловно, наряду с традицией русской рукописной книги на процесс становления отечественного книгопечатания оказали влияние традиции как западноевропейского, так и славянского книгопечатания. Действительно, западноевропейские печатные книги уже с конца XV в. были распространены в образованных кругах московского общества. Например, у упомянутого выше Максима Грека было немало печатных изданий, в том числе и альдин (с Альдом Мануцием Максим Грек в молодости был лично знаком). Показательно, что большинство первых русских типографских терминов имеет итальянское происхождение — в частности, названия отдельных узлов и частей печатного стана. Еще более значительное влияние на русскую традицию оказало зарубежное славянское (кирилловским шрифтом) книгопечатание. Многие в оформлении своих изданий И. Федоров заимствует из краковских изданий Ш. Фиоля¹.

Необходимо отметить и общеэкономические предпосылки появления первопечатной книги. Реформы Избранной Рады, в частности, способствуют постепенному формированию в XVI в. общероссийского товарного рынка и, как следствие, товарного производства. Одним из этих товаров была книга. Не случайно ряд исследователей фиксирует для XVI в. значительный рост ее производства. В этом смысле идеи книгопечатания получали и некий рыночный импульс. Впрочем, следует еще раз напомнить, что государство и православная церковь, носившая государственный характер, по-прежнему выступали как исключительный заказчик печатной книги и основной заказчик книги рукописной.

¹ Напомним, что И. Федоров приехал в Москву именно из Кракова. Впрочем, издания Ш. Фиоля были распространены и в России.

§ 2. Русская печатная книга в XVI в.

Технология производства первопечатной книги

Технология производства печатной книги включала в себя несколько этапов: 1) создание шрифта; 2) набор; 3) печать; 4) создание кодекса⁴.

Создание шрифта

Шрифт — это набор *литер* (букв) одного рисунка. Процесс создания шрифта начинался с разработки его рисунка. Делал это обычно сам мастер. По рисункам отдельных знаков гравировались пуансоны. *Пуансон* — это стальной брусок, на торце которого шрифтовой знак выгравирован рельефно в зеркальном изображении. Для изготовления пуансонов приобретали специальную, хорошо закаленную сталь, или “уклад”. Контур буквы намечали на торце пуансона иглой, а затем гравировали. Процесс гравирования был весьма трудоемким. Чтобы изготовить пуансоны на всю *гарнитуру*, требовалось несколько месяцев. *Гарнитура* — комплект шрифтов, одинаковых по рисунку, но разных по начертанию и высоте.

Следующий этап создания шрифта — изготовление матриц. *Матрицы* — медные бруски с прямым углубленным изображением шрифтовых знаков. Чтобы получить матрицу, пуансон приставляли к медному бруску и ударяли по нему молотком. При этом необходимо было следить, чтобы степень углубления штампа в медь в разных матрицах была одинаковой.

После изготовления матриц можно было приступать к *отливке* шрифта. Матрицы использовались в этом процессе в качестве форм. В России в XVI–XVII вв. шрифт (включая и *пробельный материал*) лили из олова. Металл плавил в *словолитной печи*. Основным инструментом для литья служила *словолитная форма*. В это приспособление (состоящее из двух половинок) помещалась матрица, в которую заливался металл. Когда он застывал, половинки разъединялись и готовая *литера* выпадала из формы. Для отливки пробельного материала, называвшегося *квадратами* или *шпациями* (*спациями*, от лат. spatium — расстояние, промежуток), ис-

пользовались специальные гладкие матрицы, не имевшие углубленного изображения буквенных знаков.

Набор

Литеры и пробельный материал набирали в специальный инструмент — *верстатку* — удлиненный деревянный ящичек с рукояткой, без передней и верхней стенок. Из верстатки набранные литеры попадали в специальную раму — *наборный ящик* (печатная форма), который закреплялся на *печатном стане*.

Печать

Древнейший из сохранившихся русских печатных станов, так называемый образцовый стан Московского Печатного Двора ныне хранится в ГИМ (Государственном историческом музее) в Москве. Образцовым он называется потому, что служил образцом при изготовлении новых станов.

Обычно печатный стан обслуживало два работника — *батыйщик* и *тередорщик*. Батыйщик растирал краску и наносил ее *матцами* (специальные кожаные подушечки) на печатную форму. Для изготовления основной черной краски использовалась главным образом сажа. Красную (широко используемую в оформлении книги) делали на основе киновари или сурика.

Последующие печатные операции выполнял тередорщик. Его основной задачей было прижать печатный лист нажимной плитой (которая называлась *пьям*) к печатной форме. В ходе этой операции краска переходила на лист, в результате образовывался *оттиск*. Следует отметить, что перед печатью лист увлажняли, чтобы бумага лучше воспринимала краску.

Создание кодекса

Отпечатанные листы подбирали в тетради. Затем каждую тетрадь “выколачивали” деревянным молотком на наковальне, чтобы сгладить *натиск*,

образовавшийся после печати. Потом тетради помещали в *тиски* (грас) и приступали к брошюровке. *Брошюровка* осуществлялась с помощью шитья — для него использовался специальный станок, шили с помощью специальных шнуров. Сшитый *книжный блок* зажимали в тисках, затем клеили корешок и выравнивали книгу, ровно обрезая ее с трех сторон. Сшитый таким образом книжный блок помещался в *переплетные крышки*, которыми служили доски, обтянутые кожей или тканью. После скрепления книжного блока с переплетными крышками образовывался *переплет*. Как правило, он потом украшался тиснением — на этом процесс создания кодекса завершался.

Иван Федоров

Первым русским печатником в историографии традиционно принято считать Ивана Федорова. Поэтому подробнее познакомимся с личностью этого человека.

Ранний период жизни Ивана Федорова [Ивана Федоровича Москвитина (1510–1583)] фактически не поддается исследовательской реконструкции. Предполагают, что он родился на территории современной Белоруссии и по происхождению был дворянином. Сравнительно достоверная биография Ивана Федорова начинается со времени его учебы в Краковском университете (1529–1532), где он получил степень бакалавра и в 30-е гг. XVI в. обучался типографскому мастерству у известного краковского издателя и типографа Флориана Унглера. Показания источников не дают нам точных сведений о том, чем занимался И. Федоров в конце 30-х–40-е гг. XVI в. С определенной долей уверенности можно говорить лишь о том, что с начала 50-х гг. Иван Федоров — дьякон в московской церкви Николы Гостунского. И это очень важно, поскольку церковь, заложенная в начале XVI в. великим князем Василием III, как раз в данный период занимала одно из первостепенных мест в ряду столичных храмов (наряду, например, с Благовещенским собором, где священствовал Сильвестр). Таким образом, Федоров автоматически оказался вхож в политическую и

культурную элиту страны. Можно сказать, что требуемый человек — православный, образованный, опытный типограф — оказался при дворе Ивана IV как раз тогда, когда потребность в нем была наиболее высока.

Невыходные издания

В историографии русской книги XVI в. одним из наиболее дискуссионных можно считать вопрос о первых русских печатных книгах и первой московской типографии. Можно сказать, что общепризнанным является факт существования в Москве в 50-х – начале 60-х гг. XVI в. типографии, выпускавшей первые (невыходные, или безвыходные, т. е. без указания на место и год издания) печатные книги. Все остальное (начало ее работы, датировка невыходных изданий, имя владельца типографии, состав типографов) спорно или попросту неизвестно. Наиболее убедительной представляется следующая версия. В 50–60-е гг. XVI в. (примерно 1553–1565 гг.) первая московская типография существовала в доме Сильвестра, а с 1560 г. — после его опалы и пострига (в Кирилло-Белозерском монастыре) — перешла к его сыну Анфиму. По-видимому, до 1560 г. типография в доме Сильвестра, являвшегося одним из ближайших сподвижников царя, имела, по существу, государственное значение, а после его опалы, потеряв эту роль, пришла в упадок. Одновременно в 1560 или 1561 г., отказавшись от услуг Сильвестра, Иван Грозный принимает вполне естественное решение об организации собственно государственной типографии.

Кто же работал в первой типографии? Возможно, Иван Федоров, а также мастера Маруша Нефедеев и Васюк Никифоров. Есть гипотеза, что русские мастера работали под надзором немца Ганса Бодбиднера (он же Ганс Миссенгейм), которого в Москву послал датский король Христиан III с предложением организовать печатание Библии⁷. Изучение бумаги (филиграней) невыходных изданий, а также датированных вкладных и владельческих записей дает возможность предположить следующую датировку изданий первой типографии:

Узкошрифтное Четвероевангелие — 1553–1554 гг.

Триодъ постная — 1555–1556 гг.

Триодъ цветная — 1556–1557 гг.

Среднеширифтное Четвероевангелие — 1558–1559 гг.

Среднеширифтная Псалтырь — 1559–1560 гг.

Широкоширифтное Четвероевангелие — 1563–1564 гг.

Широкоширифтная Псалтырь — 1564–1565 гг.

И все же следует признать как то, что датировка невыходных изданий условна, так и то, что эти издания в определенной степени носили пробный характер по отношению к изданиям новой государственной типографии Печатного Двора.

Московский Печатный Двор

Печатный Двор, задуманный еще, по-видимому, в 1560 или 1561 г., активно действовал в период с 1563 по 1571 г. Помощником Ивана Федорова, который вместе с ним трудится сначала над устройством типографии, а затем и над печатанием ее первых книг, стал Петр Тимофеевич Мстиславец (годы рождения и смерти неизвестны). Об этом человеке вообще мало что известно, существует лишь естественное предположение о том, что он, будучи Мстиславцем, происходит из белорусского города Мстиславль. Считается также, что вместе с И. Федоровым и П. Мстиславцем в новой государственной типографии работали и их ученики — типографы Никифор Тарасиев и Андроник Тимофеевич Невежа (ум. 1602/1603).

Апостол 1564 г.

Первую книгу в Печатном Дворе мастера печатали почти год — с апреля 1563 по март 1564 г. 1 марта 1564 г. считается датой выхода в свет первой русской датированной печатной книги. Это был знаменитый *Апостол*¹ Ивана Федорова. Апостол 1564 г. заслуженно считается полиграфическим шедевром.

¹ Напомним, что Апостол — христианская богослужбная книга, содержащая несколько книг Нового Завета — “Деяния” и “Послания апостолов”.

Апостол — книга форматом в лист; текст построен по правильному четкому кратному отношению 3х2 (максимальная высота набора — 21 см; ширина — 14 см). Число строк в полосе 25 (не считая двух выносных — верхней и нижней). В книге 33 тетради из четырех сфальцованных пополам листов, т. е. одна тетрадь содержит 8 листов, или 16 страниц. Листы Апостола 1564 г. пронумерованы (всего 268); тираж книги точно неизвестен — предположительно от 600 до 2000 экз., из которых до наших дней дошло примерно 60. Художественное убранство Апостола 1564 г. включает в себя гравированный на дереве фронтиспис, на котором изображен св. апостол Лука, и целый набор украшений, характерный и для русской рукописной книги: заставки, буквицы, вязь, концовка.

Часовник 1565 г.

Второй книгой, отпечатанной Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем, стал *Часовник* 1565 г. По существу, мы можем говорить даже о двух изданиях этой книги: согласно послесловию, первое печаталось с 7 августа по 29 сентября, второе — с 2 сентября по 29 октября 1565 г. (сохранился 1 экз. первого и 5 экз. второго издания). Первое издание хотя и служит основой для второго, но все же довольно сильно отличается от него: во втором издании Федоров исправляет огрехи первого.

Издание *Часовника* 1565 г. имеет формат в 1/8 листа, 13 строк на странице, восемь заставок, фигурные инициалы. Очевидно, что оно намного скромнее, чем Апостол 1564 г. В то же время считается, что полиграфическая организация текста в *Часовнике* не менее искусна, чем в Апостоле.

Отъезд Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы

Издание *Часовника* 1565 г. — последняя работа И. Федорова и П. Мстиславца в Московском Печатном Дворе. Примерно в 1566 г. они покидают Москву. Сам Иван Федоров в послесловии к львовскому Апостолу 1574 г. пытается объяснить причины своего отъезда. По его словам, в Москве нашлись люди, которые захотели “благое в зло превратити и

божие дело вконец погубити”, а на него “ради зависти многия ереси умышляли”. При этом обвинения исходили не от самого государя, но от “многих начальник и священноначальник и учитель”. Однако причина таких преследований объясняется И. Федоровым весьма неопределенно — тут обвинения и “в неискусных в разуме человек”, и в “зависти”, и в “ненависти”⁶ с их стороны. Невразумительность объяснений, данных первопечатником, породила и обилие версий, толкующих уход И. Федорова и П. Мстиславца из московской типографии. В литературе выдвигались различные предположения — от бегства из-за обвинений в ереси до отъезда по личным и семейным обстоятельствам. С нашей точки зрения, прежде всего следует учесть специфику того времени, в которое разворачивались эти события, — эпохи опричнины (1565–1572) и опричного террора Ивана IV. В этот период любое обвинение, даже самое абсурдное, зачастую заканчивалось быстрым и несправедливым судом, жестокими репрессиями, в том числе казнями. Напомним, что под особым ударом в годы опричнины оказалось духовенство (кстати, пострадал и бывший начальник И. Федорова, протопоп церкви Николы Гостунского Амос). Иван Грозный, свято веривший в свое божественное предназначение и роль помазанника Божьего, и своему антицерковному террору придавал некий религиозный характер. Любые “конкуренты” царя в сфере сакрального (реальные и мнимые) — будь то деятели церкви или делатели сакрального (например, первопечатники) — оказывались в сложном положении. Впрочем, возможен и другой взгляд на отъезд И. Федорова и П. Мстиславца — как на возвращение в Литву двух иностранных мастеров, после того как, с одной стороны, работа государственной типографии была налажена, а с другой — условия продолжения их профессиональной деятельности стали менее благоприятными. Действительно, Иван Федоров и Петр Мстиславец, оба родом из Белоруссии, — подданные Великого княжества Литовского, не более 15 лет жившие в Москве. Поэтому, с точки зрения, например, историка белорусской книги, правомерно лишь говорить об эмигрантском (московском) периоде в деятельности белорус-

ских первопечатников. В этой связи нельзя не отметить, что и вопрос о том, кто же может считаться *русским* первопечатником, является спорным.

Деятельность Ивана Федорова и Петра Мстиславца после 1566 г.

После отъезда (бегства?) из Москвы издательская деятельность Ивана Федорова и Петра Мстиславца не прекращается.

Заблудовская типография

Первоначально И. Федоров и П. Мстиславец продолжают свою издательскую и типографскую деятельность в местечке Заблудово, на западе Белоруссии (территория Великого княжества Литовского), где в 1568 г. основывают типографию, проработавшую около двух лет. Заблудово — местечко, примечательное только тем, что там располагался замок нового покровителя книгопечатников гетмана Григория Александровича Ходкевича — политического и военного противника Ивана IV в Ливонской войне (1558–1583). Неудивительно, что он дает приют московским беглецам. В Заблудове первопечатники издают *Учительное Евангелие и Псалтырь с Часословом* (1570). Однако в том же году работа типографии в Заблудове останавливается. Есть точка зрения о том, что идеологическим основанием ее деятельности была поддержка православия и православной книжности литовскими магнатами, с тем чтобы создать некий политический противовес экспансии православной книжности из Московии. Однако после заключения Люблинской унии (1569) с Польшей и образования с ней единого государства (Речи Посполитой) Литва окончательно делает свой исторический выбор в пользу Запада, католичества и униатства, а литовские магнаты оказываются представлены в польском сейме; в этих условиях продолжение политики, направленной на распространение православной книжности, для Г.А. Ходкевича становится невозможным. С этого момента (т. е. с 1570 г.), по-видимому, окончательно расходятся и

пути первопечатников. И. Федоров отправляется во Львов, П. Мстиславец — в Вильно.

Львовский и острожский период деятельности Ивана Федорова

Итак, Иван Федоров отправляется во Львов, где в 1573 г. основывает новую типографию. Выбор И. Федоровым Львова как места для организации нового издательского предприятия кажется неслучайным. В это время Львов — крупный восточноевропейский город с восточнославянским населением и сильной православной общиной. Поэтому, с одной стороны, здесь был высок спрос на славянские книги кирилловского шрифта, с другой стороны, существовали технические условия для организации типографии.

Первая львовская книга И. Федорова — *Апостол 1574 г.* В том же году он выпускает первый известный нам учебник кирилловского шрифта — *Азбуку*, составителем стал сам первопечатник.

В 1576 г. И. Федоров перебирается в Острог, на Волынь, в древнюю вотчину князей Острожских, по приглашению ее хозяина — князя Константина Константиновича Острожского (1526–1608). Вообще, семейство князей Острожских занимало особое место в среде волынской и белорусско-литовской аристократии. Ведя свой род от князя Рюрика, оно из поколения в поколение хранило верность русским и православным традициям, в то же время не будучи чуждым и европейского просвещения. Князь Константин Острожский, обладая огромным состоянием и политическим влиянием, группировал вокруг себя писателей, ученых, просветителей, которые составляли так называемую Острожскую академию. Одним из ее членов стал и И. Федоров. На следующий год после приезда в Острог, в 1577 г., И. Федоров основывает здесь типографию; в Остроге у него появляется новый ученик — мастер Гринь Иванович. Первая книга из Острожской типографии выходит уже в 1578 г. — это *Азбука* (параллельно со славянским и греческим текстами)⁷. В 1580 г. И. Федоров издает в одной книге *Псалтирь* и *Новый завет*; в том же году появляется еще одно

его острожское издание — уникальная по своему характеру *Книжка собрание вещей нужнейших вкратце скоро ради обретения в книзе Нового завета*. Это издание представляет собой первый созданный на основе восточнославянского языка алфавитно-предметный указатель. В нем собраны фразы и словосочетания из Псалтыри и Нового Завета с отсылками к конкретным главам текста. В 1581 г. в свет вышло самое крупное и одно из самых важных и известных федоровских изданий — *Острожская Библия*.

Острожская Библия — первая полная печатная славянская (напечатанная кирилловским шрифтом) Библия. В ее основе-текст русской Геннадьевской Библии, составленной в конце XV в. (см. тему 3). В литературе подчеркивается значение Острожской Библии в борьбе с распространением католичества и ополячиванием восточнославянского населения. Хотя и не известно точное количество тиража этой книги, сотни ее экземпляров разошлись на Украине, в Белоруссии, Московии и других славянских землях.

Однако в 1582 г. (или в начале 1583 г.) типография И. Федорова в Остроге перестает работать, а сам он вновь переезжает во Львов, где погружается в хлопоты по устройству нового предприятия. Здесь в конце 1583 г. его и застает смерть.

Относительно этого последнего львовского “путешествия” И. Федорова в историографии не существует единого мнения. Есть предположение о том, что он разошелся с князем Острожским из-за стремления последнего завязать более тесные контакты с католичеством и папским престолом, но документального подтверждения данная гипотеза не имеет. В 1586 г. часть типографии И. Федорова приобрело Успенское (с 1589 г. — Ставропигийское) братство, организовавшее во Львове собственную школу и издававшее продолжительное время (вплоть до конца XVIII столетия) ученую и учебную литературу на церковнославянском и греческом языках⁸.

Наконец, несколько слов следует сказать о типографском знаке И. Федорова, встречающемся на его заграничных изданиях. На гербовом щите размещено изображение ленты, изогнутой в форме зеркального ластика S, увенчанной сверху стрелой. По сторонам ленты размещены буквы, образующие в одном случае имя Иоанн, в другом инициалы ИФ.

Типография Мамоничей

И. Федоров из Заблудово отправился во Львов, а его соратник Петр Мстиславец переехал в Вильно, где примерно в 1573–1574 гг. основал типографию на средства купцов братьев Лукаша и Кузьмы Мамоничей. Эта типография примечательна, в частности, рекордно продолжительным для восточнославянских типографий сроком существования — до 1623 г. В Вильно П. Мстиславец издал три книги: *Четвероевангелие* (1575), которое знаменито гравюрами, изображающими четырех евангелистов, *Псалтырь* и *Часовник* (1576). Затем, по-видимому рассорившись с хозяевами, П. Мстиславец был вынужден уйти из типографии, и с этого момента следы его теряются.

Типография Мамоничей продолжала успешно работать при братьях Лукаше и Кузьме, а затем и при их наследнике — Лявоне Мамониче. Однако постепенно Мамоничи переориентировали репертуар с православной литературы на униатскую и с восточнославянского языка на польский.

* * *

Деятельность И. Федорова и П. Мстиславца в типографии Московского Печатного Двора продолжили их ученики — упомянутые выше Никифор Тарасиев и Андроник Невежа. В 1568 г. они выпустили первое послефедоровское издание — *Псалтырь*. А в 1571 г. пожар уничтожил Московский Печатный Двор. Причины этого события в историографии пока точно не выяснены. По одной из версий пожар произошел во время нашествия на Москву крымского хана Девлет-Гирея, по другой — типографию подожгли некие злоумышленники. Однако очевидно, что и без этой катаст-

рофы книгопечатание в период опричнины замирает. Примечательно, что после пожара Иван Грозный не стал восстанавливать типографию. В годы опричнины идеи и проекты периода Избранной Рады (создание “книжных училищ”, унификация богослужения, строительство церквей, миссионерская деятельность и т. п.), которые и требовали развития книгопечатания, отступали на второй план. Государственные проблемы решались уже не Сильвестром и Макарием, а людьми типа Малюты Скуратова и Василия Грязного методами куда менее просвещенными. Правда, спустя несколько лет после формального завершения опричнины, в 1577 г., в Александровской слободе (резиденции царя) все-таки отстраивается типография, к работе в ней вновь привлекается Андроник Невежа, который в том же году издает в ней *Псалтырь*.

Однако по-настоящему книгопечатание в России возобновляется только после смерти Ивана Грозного, во времена царствования его сына Федора Иоанновича, при регентстве Бориса Годунова. В 1589 г., в год учреждения патриаршества в России, в Москве вновь начинает работать Печатный Двор. И в этой типографии вновь главным мастером выступает ученик Ивана Федорова Андроник Невежа, который привлекает к работе и своего сына — Ивана Невежина. До 1611 г. Печатный Двор выпускает порядка 17 изданий (различные богослужебные книги). А в 1603 г. приехавший из Литвы мастер *Анисим Радшиевский* основывает в Москве собственную печатную мастерскую, из которой в эпоху Смутного времени также вышло несколько богослужебных книг⁹.

§ 3. Книжное производство в XVII в.

Следует отметить, что, как и в XVI столетии, в XVII в. в России продолжала господствовать рукописная книга¹⁰. Репертуар русской книги по-прежнему был обусловлен религиозно-православным типом русской культуры, неразрывно связанным с мировоззрением и умонастроением человека русского средневековья. Это обусловило и естественное доминирование религиозной литературы в репертуаре данного периода исто-

рии русской книжности, так же как и в предшествующие века. В то же время в XVII в. постепенно усиливается и культурное влияние Запада, а также секуляризаторские тенденции в русской культуре и общественной жизни, что приводит и к усилению позиций книжности светского содержания. Впрочем, для всего XVII в. она остается периферийной. Характерно, что в этот период почти вся светская литература появляется в рукописном виде, печатная же продукция почти полностью носит религиозный характер.

Управление книгопечатанием в стране осуществлял специальный Приказ книгопечатного дела¹¹. Основной российской типографией, работавшей в XVII в. и занимавшей, по существу, монопольное положение в производстве печатной книги, был Московский Печатный Двор, практически бесперебойно функционировавший в течение всего столетия. Впрочем, необходимо отметить еще ряд центров российского книгопечатания в этот период — типографии в Нижнем Новгороде (1613–1614), в Иверском монастыре (1655–1685), Киевская (основана в 1616 г.), Новгород-Северская (1674–1679), Черниговская (с 1680 г.), Верхняя типография (1678–1683).

Особое значение для типографского дела XVII в. имела деятельность *В. Ф. Бурцева (Бурцова)*, который работал в Московском Печатном Дворе в 30–40-е гг. Он значительно упростил вид печатной книги, используя приемы, характерные для малороссийской (украинской) печати. Считается, что от В.Ф. Бурцева ведет начало широкое распространение наборного орнамента. Наиболее известные издания печатника — Букварь (1634), Псалтырь (1636), Азбука (1641), Канонник (1641). Деятельность В.Ф. Бурцева способствовала окончательному разрыву Московского Печатного Двора с традицией русской рукописной книги¹². Все большее влияние на русских мастеров оказывает искусство европейской книги, например, в ксилографические украшения и фронтисписы проникают мотивы европейского барокко (фронтиспис Библии 1663 г. и др.).

Все печатные издания XVII в. (483 книги) можно разделить на три группы: 1) богослужебные книги (410); 2) религиозные книги небогослужебного содержания (66); 3) книги нерелигиозного содержания (7). Как мы видим, доминировали книги церковно-прикладного характера. Например, в XVII в. *Псалтырь* переиздавалась 44 раза, *Служебник* — 28 раз, а *Часовник* — 27 раз. Религиозная литература дидактического и схоластического характера была “штучным товаром”, как правило издававшимся в рукописном виде. Естественно, что и светские книги, публиковавшиеся по государственному заказу, имели сугубо прикладную или утилитарную направленность. В их числе “Соборное Уложение” 1649 г., “Считане удобное” (таблица умножения), грамматика М. Смотрицкого, “Учение и хитрость ратного строения пехотных людей”, “Синописис” И. Гизеля (1679), “Букварь языка словенского” И. Полоцкого (1680) и др. Иные светские книги — развлекательного, исторического, философского характера — в церковно-государственный книжный заказ допетровской России не входили и войти не могли, а потому издавались исключительно в рукописном виде, хотя зачастую и распространялись в значительном количестве экземпляров. Так распространялись исторические и бытовые сатирические повести, западноевропейские романы, космографии (книги о строении вселенной) и другие работы этого ряда. Естественно, что исключительно в рамках рукописной традиции существовала и весьма многочисленная старообрядческая религиозная литература — для ушедших в раскол¹ типографский станок был недоступен.

Крупнейшими центрами создания рукописной книги по-прежнему оставались монастыри (Троице-Сергиев, Соловецкий, Кирилло-Белозерский, Чудов и др.). Впрочем, большие книгописные мастерские существовали и в государственных учреждениях, например в Посольском

¹ Раскольники, или старообрядцы, — течение в русском православии, не принявшее церковной реформы патриарха Никона (1654), предусматривавшей приведение обрядов и богослужебных книг Русской Православной церкви в соответствие с греческими (византийскими) образцами. С 1656 г. раскольники были отлучены от церкви и преследовались государством.

приказе. В частности, здесь выходит “Большой чертеж” (1627) — рукописная карта Московского государства, “Книга о мельничном строении” и другие сочинения государственного и хозяйственного назначения. С 1621 по 1701 г. в Москве издается первая русская рукописная газета “Куранты”, предназначенная для узкого круга высших государственных чиновников и аристократии.

Продолжалось в XVII в. и летописание. Особым, уникальным памятником является знаменитый “Новый летописец”. Памятник хронологически охватывает события от конца правления Ивана IV до возвращения из польского плена патриарха Филарета (в миру Федора Романова) и решает задачу обоснования законности избрания на русский престол династии Романовых. Название “новый” означает современный, т. е. летописец новых (современных) лет¹³. “Новый летописец” был создан около 1630 г.; наиболее ранние сохранившиеся его списки можно датировать 30–40-ми гг. XVII в.

Существенным тормозом на пути развития книжного дела являлась узость книжного рынка, обусловленная даже не столько слабой покупательской способностью, сколько крайне низким уровнем грамотности населения. Достаточно сказать, что среди крестьянства количество грамотных не превышало в XVII в. 15 %; даже среди служилых людей по отечеству¹ грамотных было около половины, а в первой половине столетия известны даже неграмотные воеводы¹⁴. Такое положение, в частности, объясняется тем, что до конца XVII в. регулярных школ для обучения грамоте в России не существовало. Грамоте обучали либо в церквях и монастырях, либо в рамках домашнего образования, приглашая для этого “грамотеев” (как правило, из церковной среды). Лишь очень узкой группе духовенства и правящей элиты были доступны не просто грамотность, но и возможность более широкого просвещения. Процесс распространения

¹ Служилые люди по отечеству — разряд населения Московского государства, в котором служба государю передавалась по отечеству, т. е. от отца к сыну вместе с наследственным земельным владением (вотчиной или поместьем).

книжности в России осложнялся и важным технологическим обстоятельством — фактическим отсутствием в стране производства бумаги¹⁵ и, как следствие, дороговизной книги.

В этих условиях определенной заменой печатным и рукописным книгам служили *лубочные* издания, которые были и дешевле, и доступнее как первых, так и вторых. Название “лубочный” происходит от слова “луб”, означавшего внутреннюю часть древесной коры. *Лубок* — это ксилографический оттиск с лубяной пластинки, на которой делалась требуемая гравюра. Лубок обычно создавался на сюжет, который имел устойчивый спрос на рынке (бытовые сценки, сюжеты устной литературы и т. п.). Несмотря на то что лубок часто был ориентирован на аудиторию малограмотную или просто неграмотную, он обычно сопровождался кратким пояснительным текстом. Как правило, производством лубка занимались предприниматели из среды посадского населения¹, что не могло не беспокоить светские и церковные власти, стремившиеся к тотальному контролю за распространением информации и пытавшиеся бороться с лубочной торговлей. В этой связи характерен патриарший указ 1674 г. о запрещении продавать и покупать лубочные изображения святых¹⁶.

Действительно, важнейшим фактором, ограничивающим в московском обществе распространение информации, и прежде всего печатной книги, был фактор идеологический. Письменная фиксация текста традиционно воспринималась в русской православной культуре как акт, носивший сакральный характер. Поэтому, согласно представлениям, господствующим в умах русских людей, печатная книга просто не могла оставаться вне контроля государства и церкви. Как справедливо подчеркивал один из исследователей русской культуры данного периода, “не только конкретный текст, имеющий какой-то определенный смысл, но и язык как способ выражения разнообразных смыслов мог восприниматься как ересь”¹⁷. В этом смысле раскол XVII в. стал важнейшей предпосылкой “петровской рево-

¹ Посадское население — разряд населения Московского государства, городское торгово-ремесленное население.

люции” в области книжного дела не только потому, что, ослабляя позиции церкви, открывал дорогу секуляризации культуры, но и потому, что реформа Никона, внесшего правку в богослужебные книги, положила начало постепенному изменению сознания русского общества — отходу от понимания книжного слова как области сакрального.

На протяжении всего столетия усиливались торговые, культурные и политические контакты России с Европой. К концу XVII в. существовало уже свыше 10 “немецких” колоний в крупнейших городах: Вологде, Нижнем Новгороде, Астрахани, Архангельске, Холмогорах, Туле и др. Крупнейшая западноевропейская колония — Кукуйская слобода — существовала и в Москве. Проводниками европейского (западного) культурного влияния были ученые люди, работавшие в Москве в разных сферах, — выходцы из Белоруссии и Украины, т. е. сопредельных восточнославянских территорий Речи Посполитой. После Андрусовского перемирия (1667) с Польшей и присоединения Восточной Украины к России так называемое малороссийское влияние на русскую культуру и общественную жизнь резко возросло¹⁸. Среди деятелей русского Просвещения этого периода следует назвать Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Дамаскина Птицкого, Сильвестра Медведева. Особую роль в формировании московской образованности сыграли двое греков, бежавших из Османской империи, — братья Иоанникий и Сафроний Лихуды, ставшие первыми преподавателями основанной в 1687 г. в Москве Славяно-греко-латинской академии.

С увеличением числа иностранцев и контактов с Западом в России росло количество не только завезенных сюда европейских книг, но и переводов с них. Так, С. П. Луппов, прослеживая динамику появления переводной литературы в России, отмечает, что за весь XVI в. было издано 26 переводов, за первую половину XVII в. — 13, а за вторую половину того же столетия — уже 114¹⁹.

О росте русской книжности на протяжении XVII в. и о возрастающем влиянии на нее европейской книжной традиции, в частности, свидетель-

ствуется и история развития библиотечного дела этого периода. Действительно, XVII в. — это время как существенного увеличения числа крупных книжных собраний, так и расширения их репертуара. Конечно, крупнейшими оставались библиотеки монастырей — Кирилло-Белозерского (более 1300 книг), Иосифо-Волоколамского (более 1150 книг), Соловецкого (более 1150 книг) и др. Однако по количеству книг и репертуару им уже не уступали две центральные московские библиотеки, носившие церковно-государственный характер: Патриаршая (более 1500 книг) и Типографская (более 1000). Для понимания характера эволюции русских книжных собраний XVII в. необходимо провести сравнительный анализ библиотек первых русских царей из династии Романовых. В библиотеке царя Михаила Федоровича (1613–1645) доминирует литература религиозно-православного содержания, в библиотеке его сына Алексея Михайловича (1645–1676) светские книги уже преобладают над религиозными, а в библиотеках сыновей последнего — царевича Алексея Алексеевича (ум. 1670) и царя Федора Алексеевича (1676–1682) — книги почти исключительно светские, причем 2/3 иностранного происхождения. Для XVII в. характерно уже довольно большое количество частных книжных собраний, известных в предшествующий период. Среди наиболее крупных книжных собраний следует отметить, прежде всего, библиотеки представителей высшей боярской аристократии — Артемия Матвеева (глава Посольского приказа), Бориса Морозова (фактический правитель России в начале царствования Алексея Михайловича), Василия Голицына (фаворит регентши царевны Софьи Алексеевны) и патриархов Никона, Иоакима, Адриана. Примечательно, однако, что в XVII в. появляются довольно значительные книжные собрания и у представителей купеческой верхушки (наиболее известна библиотека купцов Строгановых) и собственно интеллектуальной элиты страны (собрания братьев Лихудов, Сильвестра Медведева, Епифания Славиницкого и др.).

Определенную роль играл и процесс формирования всероссийского книжного рынка, который некоторые исследователи относят именно к

XVII в. Действительно, именно в этот период в ряде крупных городов (Москва, Киев, Великий Новгород, Нижний Новгород и др.) возникают *книжные ряды*. Кроме рукописных и собственно печатных книг здесь продавались и лубочные издания.

* * *

Так выглядит русское книгопечатание в период своего становления. Как мы видим, оно всецело оказалось связанным с позицией и интересами государства. Действительно, возникновение книгопечатания не только стало знаковым событием в политической истории Московского государства, но и было невозможно без его деятельного участия. Однако эта тесная связь с государством имела для печатного дела и оборотную сторону. Репертуар печатной книги был ограничен заказом государства и его возможностями, что изначально обусловило крайне медленное распространение русской печатной книги, ее неспособность в течение продолжительного времени конкурировать с рукописной. Даже само существование книгопечатания в России на первом его этапе было подвержено влиянию политической конъюнктуры. В этой связи кажется закономерным, что даже после возникновения книгопечатания в Москве крупнейшие и наиболее значимые издания кирилловского шрифта, такие как Острожская Библия, выходили за рубежом.

Примечательно, что многочисленная светская литература, создававшаяся по заказу государства в эпоху Ивана Грозного (см. тему 3) и в полной мере выполнявшая идеологический заказ московского самодержавия, издавалась исключительно в рукописном виде. Ощущая пропагандистские преимущества печатного слова, государство тем не менее долгое время вполне могло без него обходиться. Причины этого — не только в крайне низкой грамотности населения, но и в устойчивости народного религиозного мировоззрения, предполагающего сакральный характер самодержавной власти. Иными словами, государству важно было письменно зафиксировать свои идеологические постулаты, но не было необходимо-

сти их широкого распространения. Нужда в этом начинает постепенно нарастать с середины XVII в., по мере разрушения прежней средневековой ментальности и размывания единого типа русской культуры. Печатная публикация большим тиражом “Соборного Уложения” стала первым признаком такого движения — “Уложение” закрепляло жесткую сословную систему в русском обществе, устройство которой уже с очевидностью входило в противоречие с мировоззрением и взглядами значительной части населения страны.

Изложенное позволяет выделить несколько основных черт в историческом развитии московской книжности:

- 1) господствующая роль государства и его институтов в определении репертуара книги и развитии технологии книжного производства;
- 2) постепенное совершенствование технологии как рукописной, так и печатной книги;
- 3) начало формирования российского книжного рынка;
- 4) технологическое отставание России в книжном производстве от европейских государств;
- 5) доминирование рукописной книги над печатной;
- 6) доминирование религиозной литературы в репертуаре русской книги этого периода;
- 7) господство церковно-государственной цензуры над всей печатной продукцией и ее значительное влияние на рукописную книгу.

¹ Цит. по: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров / Е. Л. Немировский. Л., 1985. С. 28–29.

² См.: *Орлов А. С.* К вопросу о начале книгопечатания в Москве / А. С. Орлов // Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935. С. 24–25.

³ См.: *Немировский Е. Л.* Иван Федоров... С. 48.

⁴ Ясное и подробное изложение технологии первоначального книгопечатания см. в книге Е. Л. Немировского (Иван Федоров. С. 224–243). См. также: *Симони П. К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси / П. К. Симони. СПб., 1903.

⁵ См.: *Новосадский И. В.* Возникновение печатной книги в России в XVI в. / И. В. Новосадский // Иван Федоров первопечатник... С. 33–34.

⁶ Цит. по: Послесловие Львовского «Апостола» 1574 г. // Хрестоматия по истории русской книги. 1564–1917 / сост. Л. А. Везирова ; под ред. А. Д. Эйхенгольца. М., 1965. С. 18.

⁷ См. факсимильное издание: *Азбука Ивана Федорова*. 1578. Факсимильное издание. М., 1983; *Немировский Е. Л.* Выдающийся памятник восточнославянской культуры / *Е. Л. Немировский* // *Острожская азбука Ивана Федорова*. Исследование. Словоуказатель. М., 1983. С. 7–107.

⁸ См.: *Исаевич И. Д.* Издательская деятельность Львовского братства в XVI–XVIII вв. / *И. Д. Исаевич* // *Книга: Исследования и материалы*. 1962. Сб. 7. С. 199–238.

⁹ См.: *Немировский Е. Л.* Анисим Михайлов Радишевский / *Е. Л. Немировский*. М., 1997. С. 44–91.

¹⁰ См. об этом, напр.: *Кацпржак Е. И.* История письменности и книги / *Е. И. Кацпржак*. М., 1955. С. 4.

¹¹ См.: *Володихин Д. М.* Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. / *Д. М. Володихин*. М., 1993. С. 80–200.

¹² См.: *Иванова И. Н.* В. Бурцов и его роль в развитии печатного дела в России / *И. Н. Иванова* // *Памятники русской народной культуры XVII–XIX вв.* М., 1990. С. 13–28.

¹³ *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый Летописец: история текста / *В. Г. Вовина-Лебедева*. СПб., 2004. С. 378–379.

¹⁴ См.: *Луптов С. П.* Книга в России в XVII в. / *С. П. Луптов*. Л., 1970. С. 9–10.

¹⁵ О малоуспешных попытках производства бумаги в России в XVII в. см., напр.: *Черепнин Л. В.* Русская палеография / *Л. В. Черепнин*. М., 1956. С. 332–334.

¹⁶ *История книжной торговли* / *Л. А. Виноградова* [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 54.

¹⁷ *Успенский Б. А.* Раскол и культурный конфликт XVII в. // *Успенский Б. А.* Этюды по русской истории. СПб., 2002. С. 321.

¹⁸ *Лаппо-Данилевский А. С.* История политических идей в России в XVIII в. в связи с общим ходом развития ее культуры и политики / *А. С. Лаппо-Данилевский*. Кёльн ; Веймар ; Вена, 2005. С. 81–110.

¹⁹ См.: *Луптов С. П.* Книга в России... С. 17.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Азбука Ивана Федорова. 1578 : факс. изд. – М., 1983.
- Андриевский А. Первый русский книгопечатник / А. Андриевский. – Киев, 1895.
- Анисимов В. И. Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России / В. И. Анисимов. – Пг., 1920.
- Анушкин А. И. Тайны старопечатной книги / А. И. Анушкин. – Симферополь, 1972.
- Бас И. Иван Федоров / И. Бас. – М., 1940.
- Бахтиаров А. Иван Федоров. Первый русский книгопечатник / А. Бахтиаров. – СПб., 1895.
- Бахтиаров А. История первой печатной книги (В связи с началом книгопечатания на Руси) / А. Бахтиаров. – СПб., 1914.
- Бубнов Н. Ю. Старобрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция / Н. Ю. Бубнов. – СПб., 1995.
- Васильченко В. Е. Очерк истории библиотечного дела в России. XI–XVIII века / В. Е. Васильченко. – М., 1948.
- Верещагин В. А. Русская и иностранная книга. XV–XIX вв. / В. А. Верещагин. – СПб., 1914.
- Виноградова Л. А. История книжного дела в России (988–1917) / Л. А. Виноградова. – М., 1991.
- Волкова Е. Первый русский печатник / Е. Волкова. – СПб., 1913.
- Володихин Д. М. Книжность и просвещение в Московском государстве XVII в. / Д. М. Володихин. – М., 1993.
- Галактионов И. Д. Иван Федоров / И. Д. Галактионов. – СПб., 1913.
- Галактионов И. Д. Как создавалась книга / И. Д. Галактионов. – СПб., 1914. Вып. 1.
- Гаранина С. П. Естественнонаучная книга в России (включительно до XVIII в.) : учеб. пособие / С. П. Гаранина. – М., 1985.
- Денисов Л. И. Первпечатники Иоганн Гутенберг и Иван Федоров / Л. И. Денисов. – М., 1908.
- Документы о печатании книг и грамот в 1694 году / изд. Н. П. Лихачевым. – СПб., 1895.
- Жерве Н. П. Первый на Руси книгопечатник Иван Федоров / Н. П. Жерве. – М., 1910.
- Запаско А. П. Художественное наследие Ивана Федорова / А. П. Запаско. – Львов, 1974.
- Засодимский П. В. Первый русский печатник Иван Федоров / П. В. Засодимский. – М., 1901.

- Иван Федоров первопечатник : сб. ст. – М. ; Л., 1935.
- Кизеветтер А. А. Иван Федоров и начало книгопечатания на Руси / А. А. Кизеветтер. – М., 1904.
- Клепиков С. А. О допетровской бумаге и “бумаге для царя (письме Ивана IV)” Э. Кинана / С. А. Клепиков // Книга: Исследования и материалы. – М., 1974. – Сб. 18. – С. 157–161.
- Книга в России. – М., 1925. – Часть первая. От начала письменности до 1800 года / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова.
- Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX в. : сб. науч. тр. – Л., 1982.
- Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. – Л., 1984.
- Кукушкина М. В. Книга в России в XVI веке / М. В. Кукушкина. – СПб., 1999.
- Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков / М. В. Кукушкина. – Л., 1977.
- Леонид, арх. Евангелие, напечатанное в Москве 1564–1568 / Леонид, арх. – СПб., 1882.
- Либрович С. Ф. История книги в России / С. Ф. Либрович. – М., 1914. – Ч. 1–2.
- Луппов С. П. Книга в России в XVII в. / С. П. Луппов. – Л., 1970.
- Мальшевский К. Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника / К. Мальшевский. – Киев, 1893.
- Маневский А. Д. Возникновение книгопечатания на Руси / А. Д. Маневский. – М., 1939.
- Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров / Е. Л. Немировский. – М., 1964.
- Немировский Е. Л. Иван Федоров / Е. Л. Немировский. – М., 1985.
- Немировский Е. Л. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. Указатель литературы. 1574–1974 / Е. Л. Немировский. – М., 1975.
- Немировский Е. Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров / Е. Л. Немировский. – М., 1974.
- Основные документы о происхождении русского гражданского шрифта // Шипгал А. Г. Русский гражданский шрифт. 1708–1958. – М., 1959.
- Осипов К. Русский первопечатник Иван Федоров : пособие для учащихся / К. Осипов. – М., 1955.
- Острожская азбука Ивана Федорова. Исследование. Словоуказатель. – М., 1983.

- Покровский А. А. Печатный Московский двор в первой половине XVII в. / А. А. Покровский. – М., 1913.
- Покровский Н.И. Путешествие за редкими книгами / Н.И. Покровский. – Новосибирск, 2005.
- Полевой П.Н. Очерк жизни и деятельности первого русского печатника Ивана Федорова / П. Н. Полевой. – СПб., 1883.
- Пташицкий С.Л. Иван Федоров. Издания Острожской Библии в связи с новыми данными о последних годах его жизни / С.Л. Пташицкий. – СПб., 1903.
- Рукописная и печатная книга : сб. ст. / под ред. А.А. Сидорова. – М., 1975.
- Русские библиотеки и их читатель (Из истории русской культуры эпохи феодализма). – Л., 1983.
- Савельева Н. В. Русская бумага XVI века в Древлехранилище Пушкинского Дома / Н. В. Савельева // Актуальные вопросы истории бумаги и бумажного производства. – СПб., 2003.-С. 46–61.
- Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России / текст В.Е. Румянцева. – М., [1872]. – Вып. 1.
- Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Материалы для истории славянского книгопечатания / сост. С. Л. Пташицкий. – СПб., 1895. – Ч. I. XV–XVI вв.
- Сборник снимков с славяно-русских старопечатных изданий. Материалы для истории славянского книгопечатания / сост. А. И. Соболевский. – СПб., 1895. – Ч. II. XVII в.
- Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра / А. А. Сидоров. – М., 1951.
- Сидоров А. А. История оформления русской книги / А. А. Сидоров. – М. ; Л., 1946.
- Сперанский М. Н. Иван Федоров и его потомство / М. Н. Сперанский. – М., 1913.
- Титов Ф.И. Очерки по истории русского книгописания и книгопечатания / Ф. И. Титов. – Киев, 1911.
- Тихомиров М. Н. Первый печатник / М.Н. Тихомиров. – М., 1934.
- У истоков русского книгопечатания. – М., 1959.
- Хрестоматия по истории русской книги. 1564–1917 / сост. Л. А. Везирова / под ред. А.Д. Эйхенгольца. – М., 1965.
- Хрущов И. П. О рукописном деле и книгопечатании на Руси / И. П. Хрущов. – СПб., 1907.
- 400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. – М., 1964. – Т. 1.
- Черняк А. Я. История технической книги / А. Я. Черняк. – 2-е изд. – М., 1981.
- Черский Л. Иоганн Гутенберг и Иван Федоров / Л. Черский. – М., 1913.
- Штейн С. В. Иван Федоров (1520–1583) / С. В. Штейн. – СПб., 1902.

Шрекник Е. Ф. Исторический очерк развития письменности и типографского искусства в России / Е. Ф. Шрекник. – СПб., 1895.

Щелкунов М. И. История, техника, искусство книгопечатания / М. И. Щелкунов. – М. ; Л., 1926.

ТЕМА 6. КНИГА В РОССИИ В XVIII В.

§ 1. Печатная книга в петровское время

Политические и культурные условия книгопечатания

Петровская эпоха — переломный этап в истории русской культуры, в частности в развитии отечественной книжности. Основой государственной политики в это время было насаждение европейского просвещения, именно *насаждение*, поскольку новые культурные формы насильно внедрялись в русскую жизнь. Собственно, по-другому преобразования и не могли осуществляться в стране, в которой исполнение обязанности государственной службы являлось важнейшей добродетелью. Сотни молодых людей (дворян, а также подьяческих и поповских детей) отправляли в Голландию, Англию, Францию, Италию, даже в Персию обучаться языкам и определенной специальности. Но, конечно, куда более важным было создание собственных школ. До эпохи Петра I в России существовало только одно регулярное учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия.

При Петре, во-первых, разных школ стало много, а во-вторых, они имеют самую разнообразную специализацию — открываются Пушкинская школа (с 1699 г.), Школа математических и навигацких наук (с 1701 г.), Артиллерийская школа (с 1701 г.), Медицинская школа (с 1716 г.), Инженерная школа (с 1719 г.) и др. Кроме этого, Петр Великий создает (указ 1714 г.) массу общеобразовательных (так называемых цифирных) школ. Принято думать, что Петр I развивал в основном светское образование. Это не совсем так, поскольку именно при Петре Синод издает предписание (1721) об открытии духовных школ, в которых училась чуть ли не половина детей, получавших государственное образование¹. По приблизительным подсчетам в 1727 г. в России было около 80 учебных заведений, в которых обучалось до 5 тыс. человек. Нельзя, правда, забывать, что Петр Великий создавал школы насильственно, а население

воспринимало их как “школьную повинность”. Значительная часть учеников из школы “бежала”. Как отмечал известный историк В.О. Ключевский, петровская школа “превращала воспитание юношества в дрессировку зверей”². И тем не менее в России создавался образованный класс. Русские люди впервые знакомились с неведомыми для них прежде областями знания. Программа, например, Навигацкой школы требовала изучения геометрии, тригонометрии, арифметики, геодезии, навигации и других предметов. Естественно, новые образовательные задачи предопределили стремительное расширение репертуара книги в петровское время³.

Определенное значение имело и некоторое удешевление книги в первой четверти XVIII в., что в первую очередь было связано с организацией отечественного бумажного производства. Так, в 1716 г. в Петербургской губернии было основано одно из первых крупных отечественных предприятий по производству бумаги — Дудергофская фабрика. Основным (почти исключительным) заказчиком “бумажных заводов”, однако, выступало государство. Положительной стороной государственной регламентации бумажной продукции было то, что предприятия, как правило, располагали возможностью гарантированного сбыта своей продукции, отрицательной — отсутствие реального механизма конкуренции и заинтересованности в техническом усовершенствовании своей продукции. В результате качество отечественной бумаги еще долго уступало европейскому. “Демократизация” и удешевление себестоимости книги нашли отражение и в снижении уровня требований к ее внешнему оформлению. Например, в петровское время распространение получают скромно оформленные переплеты с обтянутыми темной кожей крышками, причем вместо деревянных крышек начинают использовать картонные.

Репертуар печатной книги

Как справедливо указал один из ведущих историков книги этого периода С.П. Луппов, “основная особенность книгопечатания петровского времени состояла в том, что оно было целиком поставлено на службу преобра-

зованиям страны”⁴. Активная реформаторская деятельность Петра обусловила массовое издание законодательного материала, а задачи государственной информации и пропаганды — издание разного рода информативного материала (прежде всего, “ведомостей”). Это вело к общему резкому росту числа выпускаемых изданий. Считается, что за первую четверть XVIII в. в России вышло 1877 изданий, т. е. почти в четыре раза больше, чем за весь предшествующий век. Мы можем уверенно констатировать, что в первой четверти XVIII столетия наступает перелом в соотношении рукописных и печатных изданий — печатная книга значительно опережает рукописную по количеству изданных экземпляров и постепенно занимает господствующие позиции в русской книжности.

Также очевидна переориентация репертуара с религиозного содержания на светское — всего 14 % (256) изданных в этот период книг носили религиозный характер. Для понимания динамики данного процесса достаточно отметить, что в 1701 г. из 8 изданных в России книг религиозных было 7, а в 1724 г. из 149 — только 10 религиозных. Основная масса изданий была связана с публикацией актов официального характера (нормативные документы, правительственная информация и т. п.), на втором месте было издание “Ведомостей”; далее все остальное. При этом можно констатировать, что вопреки распространенному представлению церковная литература все-таки преобладала над “просветительской”. Причины, конечно, заключаются в искусственном распространении образовательной книги, часто не находившей спроса. Образно говоря, хотя книгопечатание было, пожалуй, одним из главных элементов петровского просвещения, выступало оно зачастую вместе и наряду с такими силовыми инструментами, как дыба или батоги. Отсутствие спроса на учебную литературу вынуждало правительство прибегать к ее насильственному распространению. Книги рассылались по школам с требованием оплатить их стоимость.

Наибольшим тиражом издавались книги, содержащие элементарные образовательные сведения — обучающие грамоте и счету, в том числе

Букварь и “Первое поучение отрокам” Ф. Поликарпова (12 изданий), “Арифметика” Л. Магницкого, Азбука (10 изданий), несколько раз издавалось “Введение в грамматику славяно-российскую” М. Смотрицкого (с 1706 г.). В последнее пятилетие петровского царствования тиражи изданий Азбуки, например, колебались от 10 до 15 тыс. в год. Естественно, что, несмотря на все меры принуждения, склады затоваривались нереализованной продукцией. Особенно это характерно для разного рода изданий, выполнявших идеологический заказ. Например, “Рассуждение о причинах войны” (со Швецией) П.П. Шафирова (одного из ближайших сподвижников царя) было издано трижды, в третий раз (в 1722 г.) тиражом в 20 тыс. экз. Причем к 1756 г. 16 тыс. книг этого издания оставалось нераспроданными.

Вообще же при всем разнообразии книги эпохи Петра Великого очевиден ее утилитарный характер. Например, это книги морской тематики (“Генеральные сигналы надзираемые во флоте”, первое издание — 1708 г.; “Новое гражданское и корабельное строение” К. Аллорда и др.), военно-артиллерийской (“Новейшие основания и практика артиллерии” Э. Брауна (1710), “Учение и практика артиллерии” И. З. Бухнера (1711)), издания по космографии (“Земноводного круга краткое описание” И. Гюбнера, “География или краткое Земного круга описание”), математике и физике (“Таблицы логарифмов” (1703), “Наука статистическая или механика” Г. Г. Скорнякова-Писарева (1722)), справочные издания (“Лексикон трехязычный” Ф. Поликарпова (1704), “Всего земного круга таблицы” (1713)), правила европейского этикета (“Приклады како пишутся комплименты разные” (1708), “Юности честное зеркало”, первое издание — 1717 г.), исторические издания (“Введение краткое во всякую историю” (1699), “Феатрон, или позор исторический” (1720)) и др. Из сочинений пропагандистского характера следует отметить, прежде всего, “Правду воли монаршей” и “Слово о власти и чести царской”, принадлежащие перу одного из идеологов русского абсолютизма Ф. Прокоповича.

Центры российского книгопечатания в первой четверти XVIII в.

Петр I быстро осознал всю пользу от книгопечатания для решения своих политических задач. Однако создать широкую систему светского государственного книгопечатания было непросто. Единственная крупная типография, существовавшая к тому времени в стране, — *Московский Печатный Двор* — печатала, как указано ранее (см. тему 5, § 2), почти исключительно религиозную литературу кирилловским шрифтом, большей частью на церковнославянском языке. Может быть, отчасти поэтому в 1698 г., во время так называемого Великого посольства, свою первую попытку организации российского светского книгопечатания Петр предпринимает в Голландии — в Амстердаме (привилегию на печатание русских книг получает амстердамский купец *Ян Тессинг*, подготовку книг к изданию осуществлял русский типограф *Илья Копиевич*). Одна из наиболее известных российских книг, вышедших в амстердамской типографии, — “Книга учащая морского плавания...” (1701)⁵. Но уже вскоре в рамках своей активной секуляризаторской деятельности (напомним, переломным в этом отношении является 1700 г.) Петр начинает переориентацию Московского Печатного Двора на издания светского содержания.

В 1701 г. директором Московского Печатного Двора назначается *Ф.П. Поликарпов*, считающийся одним из наиболее крупных деятелей петровского просвещения. Под его руководством проходит технологическая перестройка типографии — старый шрифт (устав) заменяется шрифтом с графикой латинского алфавита, с последующим введением на его основе нового, так называемого *гражданского шрифта*. Примечательно, что сами литеры нового шрифта, равно как и предназначенные для его производства пуансоны и матрицы, были заказаны в Амстердаме. В Голландии также был сделан новый печатный стан, по образцу которого перестроили станы Московского Печатного Двора. В конце 1702 г. Московский Печатный Двор начинает издавать первое в России периодическое печатное издание — газету “Ведомости” (сменившую свою рукописную предшественницу газету “Куранты”). С 1703 г. активно печатается учеб-

ная и справочная литература светского характера, например “Таблицы логарифмов и синусов, тангенсов...” (1703), “Лексикон трехязычный” (1704). В 1705 г. открывается *типография В. О. Кирьянова*, работавшая под контролем и фактическим управлением Я.В. Брюса, начальника Артиллерийского приказа, и печатавшая литературу военно-технического содержания.

Большое значение для развития книгопечатания имела реформа русского алфавита (1708–1709), которая избавляла от “лишних” для языка XVIII в. букв кириллического алфавита. На основе гражданского шрифта и нового алфавита стали выпускаться книги так называемой *гражданской печати*, однако церковная литература еще долгое время продолжала выпускаться кирилловским шрифтом с использованием старого кирилловского алфавита (*книги кирилловской печати*).

Введение гражданской печати не только упростило процесс обучения грамотности и сделало печатное слово более доступным, но и означало решительный разрыв с прежней церковно-государственной традицией, тесно связанной с кирилловским шрифтом и кирилловской печатью. Первое издание, напечатанное гражданским шрифтом (март 1708 г.), — “Геометрия славенки землемерие” — перевод распространенного в Европе учебника геометрии.

В 1711 г. открылась *Санкт-Петербургская типография*, сыгравшая за 10 лет своего существования (до 1721 г.) важнейшую роль в развитии петровского просвещения. Здесь издавались книги только гражданской печати и только светского содержания: учебная и образовательная, военная и морская литература, официальные материалы, газета “Ведомости”, календари. В Санкт-Петербургскую типографию при ее организации была передана часть оборудования Московского Печатного Двора, который теперь выпускал главным образом книги религиозно-церковного содержания кирилловской печатью.

В 1718 г. учреждается еще одна важная государственная типография — *Сенатская*, которая печатала официальные документы. Сенатская

типография считается наиболее долго существовавшим в России издательским предприятием — она проработала с небольшими перерывами 200 лет (до 1918 г.).

В соответствии с указом Петра по инициативе одного из его ближайших сподвижников Феофана Прокоповича в 1719 г. была открыта (начала работу в 1720 г.) *типография Александро-Невского монастыря* (расположенного под Петербургом). У этой типографии тоже была своя особая политическая миссия. В ней печатались книги кирилловским (церковным) шрифтом, однако репертуар типографии коренным образом отличался от Московского Печатного Двора — в ней издавалась не богослужбная литература, а учебники и книги для чтения (часто светского содержания), которые тем не менее предназначались для церковного образования (прежде всего, епархиальных школ) и рассылались по епархиям империи. Здесь же был напечатан и знаменитый “Духовный регламент” (1721), составленный Ф. Прокоповичем.

Из других крупных типографий следует отметить уже упомянутые выше *Киевскую* и *Черниговскую* типографии, работавшие с допетровских времен. В их репертуаре первой в четверти XVIII в. также наблюдается увеличение количества книг светского содержания.

Система государственного управления книгопечатанием

Переломным для российского книгопечатания стал 1721 г., когда была предпринята попытка объединения всех духовных и светских типографий под управлением нового государственного ведомства — Святейшего Синода. Считается, что в основе этого решения было стремление Петра упрочить авторитет нового ведомства, а также соображения, связанные с организацией цензурного контроля за книгопечатанием, и желание упорядочить финансирование, хозяйственную и технологическую организацию печатного дела.

Примечательно, однако, что в то же время вне контроля Синода по-прежнему оставалась типография высшего органа империи (Сената) и также организованная в 1721 г. *Морская типография* в Петербурге (при созданной здесь в 1715 г. Морской академии). Сенатская типография издавала официальные материалы, Морская типография — главным образом техническую литературу. Естественно, не могло идти и речи о подчинении Синоду *походной типографии* императора. Вне его контроля оставались и типографии, находящиеся на территориях, присоединенных к России по Ништадскому миру (1721), в Ревеле (ныне Таллинн) и в Риге, и печатавшие латинским шрифтом. Таким образом, замысел, в соответствии с которым все печатное дело передавалось под контроль Синода, остался до конца нереализованным.

На исходе петровской эпохи создается Академия наук (1724–1725), которой в дальнейшем суждено сыграть определяющую роль в формировании российской книжной культуры. Коренным отличием петербургской академии от подобных европейских ученых заведений было то, что она являлась государственным, а не общественным учреждением, финансировалась государством, регулярно выполняла работы, предписанные государством, и находилась под его постоянным и бдительным контролем. Несомненно, что Академия больше, чем Синод, — коллегиальный орган, управляющий церковью, даже учетом его “секуляризированного” (огосударственного) характера, подходила для роли координирующего центра светского книгопечатания. Указом Верховного тайного совета (по инициативе одного из ближайших сподвижников умершего императора — А. Д. Меншикова) в 1727 г. монопольное право гражданского книгопечатания было передано от Синода Академии. За Синодом оставалась церковная кирилловская печать, а также “апробация” (т. е. церковная цензура) изданий популярного характера и богословского философско-эстетического содержания⁶.

Торговля, читатель и русские книжные собрания первой четверти XVIII в.

Круг читателей в петровское время существенно расширился. В первой четверти XVIII в. значительно увеличилось количество книжных лавок. Практически каждая типография имела состоящую при ней книжную лавку. В течение всего петровского времени крупнейшим государственным торговым центром оставалась Книжная лавка Московской типографии, торговавшая главным образом как раз той литературой (религиозного и духовного содержания), которая имела спрос у населения. Ее средний годовой оборот составлял 7000 руб., книги отпускались оптом и в розницу. Примечательно, что, хотя по количеству выпускаемой продукции к 1721 г. Петербургская типография даже превосходила московскую, ее годовой оборот не превышал 4000 руб.⁷ Кроме этого, продажей книг занимались купцы различных торговых рядов, которые торговали книгами сразу нескольких официальных книжных лавок. Крупнейший в Москве книжный рынок находился у Спасских ворот, где торговали как печатной, так и рукописной книгой. Особенностью петровского времени было и то, что существенно расширился региональный книжный рынок. Однако в целом торговля была строго регламентирована государством; особо контролировалась продажа рукописной книги и иностранных изданий. Периодически производились облавы в целях изъятия запрещенных книг и задержания распространителей. Особенно ожесточенно преследовалась старообрядческая книга. Так, например, в 1721 г. только что созданный Синод постановил “продаваемые в Москве и на Спасском мосту и в других местах листы разных изображений, и службы, и каноны, и молитвы, которые сочинены и сочиняются разных чинов людьми, самовольно письменные и печатаются кроме типографии... без свидетельства и позволения... описав все, собрать в приказ церковных дел”⁸, а людей, распространяющих такого рода литературу, привлекать к ответственности. Многие книги, издан-

ные по государственному заказу, как отмечено ранее, спроса не находили. Часто так называемая торговля носила принудительный характер. В то же время значительную часть тиража петровских “Ведомостей” приходилось раздавать *безденежно*, т. е. даром.

В этот период по-прежнему крупнейшими книжными собраниями оставались Синодальная (бывшая Патриаршая) библиотека и библиотека Московского Печатного Двора, располагавшиеся в Москве. В то же время в 1714 г. в Петербурге создается государственная библиотека, впоследствии ставшая основой собрания библиотеки Академии наук (1724). Главная заслуга в ее организации принадлежит И. Д. Шумахеру, ее первому хранителю, впоследствии академику и секретарю Академии, который по поручению Петра предпринял ряд поездок по Европе в целях сбора для нее книг. Считается, что к 1724 г. ее собрание достигло почти 12 тыс. томов.

Согласно С. П. Луппову, в петровское время довольно много частных лиц владело книжными собраниями, причем их характер заметно отличался от подобных собраний XVII в. Основные различия исследователь видит в том, что среди владельцев библиотек встречается значительно больше, чем когда-либо, светских лиц, в том, что в собраниях значительно более высокий процент составляют печатные книги, а также в том, что собрания первой четверти XVIII в. состоят преимущественно “подобранных с особой тщательностью и знанием дела”⁹. Конечно, как и в предшествующий период, выделялись личные библиотеки членов царствующего дома — Петра Великого (1621 книга), его сестры царевны Натальи Алексеевны (1673–1716) и трагически погибшего сына Алексея Петровича (1690–1718). Однако по количеству экземпляров им уже не уступали некоторые действительно частные библиотеки. Среди наиболее известных книжных собраний следует назвать библиотеку президента берг- и мануфактур-коллегии Я. В. Брюса (1670–1735), содержащую уникальные издания по точным наукам на разных языках. Другое крупное собрание (примерно 3 тыс. томов) — библиотека князя Д. М. Голицына

(1663–1737), обладавшего, возможно, наиболее полной в России коллекцией книг по философии и гуманитарным наукам. Библиотеки Петра Великого, его семьи, Я. В. Брюса, Д. М. Голицына, как и целого ряда других деятелей этого времени (П. П. Шафирова, А. А. Матвеева, А. А. Виниуса, Ф. П. Поликарпова, Р. Арескина), впоследствии так или иначе были описаны (значительная часть оказалась в составе Библиотеки Академии наук). Труднее обстоит дело с библиотеками, о которых мы имеем лишь косвенные сведения. Так, существуют легенды о двух фантастически больших книжных собраниях — князя А. Д. Меншикова (до 13 тыс. томов) и графа Б. П. Шереметьева (до 25 тыс. томов)¹⁰.

Подводя итог своему фундаментальному исследованию книги петровского времени, С. П. Луппов отмечает, что в этот период резко возрастает образованность “передовой части русского общества”. По мнению историка, “если в XVII в. ученость самых просвещенных русских людей не выходила за рамки изучения классических авторов Греции и Рима, то в петровское время уровень знаний передовых русских людей достиг уровня передовой науки Запада. Они изучали в подлиннике труды современных им западных ученых, выписывали новейшую научную периодику”¹¹. С этим заключением нельзя не согласиться, но между тем необходимо подчеркнуть еще раз, что в петровскую эпоху основным не только издателем, но и заказчиком печатной книги выступало государство и подчиненная ему православная церковь; в определении русской печатной книжности первой четверти XVIII в. общество все еще играло второстепенную роль. Можно также согласиться с мнением об определяющем влиянии на книгу петровской Руси книжной культуры Запада, и прежде всего наиболее совершенной немецкой книги. По справедливому заключению исследователя немецкой книги в России в первой половине XVIII в. “отечественная книга в своем становлении и эволюции как в тематическом, так и в книговедческом плане в изучаемое время опиралась на более совершенную книгу, созданную немецкими авторами”¹².

§ 2. Книгопечатание в середине – второй половине XVIII в.

Академическое книгоиздание (1727–1783)

С начала 1720-х гг. российское типографское дело переживало критические времена, связанные с перепроизводством продукции и реорганизацией системы руководства печатным делом. К 1730 г. количество выпущенных книг падает до ничтожной цифры (7)¹³. Как отмечено ранее, в 1727 г. гражданское книгопечатание перешло под контроль Академии наук (по-прежнему оставались независимыми Морская и Сенатская типографии), которая, по крайней мере формально, сохраняла его вплоть до 1783 г. Предварительную церковную цензуру выходивших в стране книг осуществлял Синод; с 1743 г. главные цензурные полномочия по контролю над гражданской печатью переходят к Сенату¹⁴.

Основным организатором издательской деятельности Академии в конце 1720-х – первой половине 1740-х гг. был директор ее канцелярии И. Д. Шумахер, чья роль в истории Академии в историографии оценивается неоднозначно, главным образом из-за его конфликта с М. В. Ломоносовым. Однако, по-видимому, именно И. Д. Шумахер вскоре после образования Академии наук выступил инициатором создания при ней типографии¹⁵. До 1729 г. произошло значительное укрепление имущественного положения академической типографии за счет бывшей Петербургской типографии и других типографий петровского времени. В 1729 г. типографии Академии разделяются на две части: “немецкую” (печатавшую литературу на европейских языках) и “русскую” (русская гражданская печать). В 1733 г. для академической типографии был отлит новый гражданский шрифт. В специально образованном в 1735 г. для “исправления языка русского, сочинения грамматики и лексиконов” “Российском собрании” составлены четкие правила российской грамматики, разработанные В. К. Тредиаковским¹⁶ (через 20 лет они были развиты, систематизированы и закреплены в “Российской грамматике” академика

М.В. Ломоносова¹⁷), которые в своей основе остаются неизменными и по сей день.

Важно, что Академия — результат петровских реформ и поэтому была “запрограммирована” на продолжение просветительской деятельности Петра. Ранее уже упоминалось о специфике Академии как государственного учреждения, активно выполнявшего разные правительственные поручения (научные экспедиции, справки по различным вопросам и т. п.). Важно также отметить, что петербургская академия имела универсальный характер, делилась на три класса наук (математический, физический, гуманитарный), которые, в свою очередь, подразделялись на кафедры. Академия сочетала ученую деятельность с учебной — в ее составе в XVIII в. находились университет и гимназия. Все эти многочисленные академические предприятия требовали издания довольно широкого спектра учебной и научной литературы.

Вообще, несмотря на распространенное (и в чем-то не лишнее основание) мнение об ограниченности культурных запросов и кругозора Анны Иоанновны, царствовавшей с 1730 по 1740 г., следует отметить, что именно в ее правление было создано такое знаменитое дворянское учебное заведение, как Сухопутный шляхетский корпус (1731), а с 1732 г. формируется сеть гарнизонных школ. В правление Елизаветы Петровны (1741–1761) эта тенденция была продолжена — в 1755 г. открывается Московский университет, в 1757 г. — первое высшее художественное заведение России (Академия художеств). Таким образом, и в последующие за петровской эпохой десятилетия круг грамотных и образованных людей в России расширялся, что не могло не вести к росту книжного рынка.

С расширением книжного рынка росли и книгоиздательские возможности Академии. Вообще, издательская деятельность была одной из основных статей дохода этого ученого учреждения. Не удивительно, что для академического периода характерна гораздо большая экономия, ориентация на спрос и окупаемость издания. Действительно, долгое время считалось, что после Петра книжное дело стало приходить в упадок. Исследо-

вания последнего времени показали, что это не совсем так¹⁸. Уже в первое десятилетие своего существования академическая типография издавала в среднем по 10 книг в год, а к началу 1740-х гг. — 15 (из общего количества 40, издаваемых в стране). И хотя эти цифры еще отставали от максимальных показателей петровского времени, они отражали действительный (а не принудительный) рост интереса к книжному слову. Можно констатировать, что академическое книгоиздание, с одной стороны, служило значимым финансово-хозяйственным источником просветительской и научной деятельности Академии, а с другой стороны, формировало пространство русской культуры XVIII в.¹⁹

С переходом гражданского книгопечатания под академический контроль значительно выросло качество русских изданий. В типографии была создана *Гравировальная палата*, в 30–70-е гг. XVIII в. в ней работали такие выдающиеся мастера, как А. Ростовцев, А. Зубов, Е. Г. Виноградов, Л. В. Васильев, М. И. Махаев, А. А. Греков, И. М. Лапкин, Н. Ф. Челнаков.

Репертуар русской книги в академический период

Репертуар академической книги XVIII в. определялся двумя основными факторами: спрос и просветительские и научные цели, которые ставила перед собой Академия. Наибольшим спросом на протяжении всего академического периода пользовались, пожалуй, два издания массового назначения, выходившие с 1727 г.: “Санкт-Петербургские ведомости” и годовые “Календари или месяцесловы”.

“Санкт-Петербургские ведомости” печатались Академией два раза в неделю на русском и немецком языках по “почтовым дням”, т. е. когда почта развозилась из Петербурга в провинцию. “Ведомости” вмещали в себя материалы, заимствованные из иностранных газет и журналов, а также сообщения “собственных корреспондентов”. Примечательно, что Академия с самого начала придавала своей газетно-издательской деятельности просветительское значение. В 1728 г. стали издаваться “Месячные

исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях”, которые иногда называют *первым русским журналом*. В этом издании, в написании статей для которого участвовали почти все академики, разъяснялись те или иные сообщения, сведения и понятия, появлявшиеся в “Ведомостях”. Например, на сообщение “Ведомостей” о том, что в Сибири были найдены кости мамонта, “Примечания” откликнулись статьями по палеонтологии²⁰.

Академии было предоставлено исключительное право на издание, пожалуй *самое популярное* у русского дворянства XVIII в., — “Календари или месяцесловы”, также выходившие на русском и немецком языках. С 1729 г. издание стало называться “Календарь или месяцеслов исторический”, с 1737 г. — “Санкт-Петербургский календарь”. Популярность “Календарей” объяснялась тем, что они содержали самые разнообразные сведения, расписанные по месяцам и дням: метеорологические, исторические, церковно-религиозные, сельскохозяйственные, предсказания и т. п.

Кроме отмеченных периодических изданий Академии широким спросом пользовалась учебная и справочная литература: азбуки, словари, разговорники. Действительно, уже поколение дворян 30–40-х гг. XVIII в. не могло обойтись без изучения немецкого и все более входящего в моду французского языка. Среди важных учебных изданий Академии — “Сокращения грамматики латинской” (1736) и “Руководство к теоретической геометрии” (1748). В 1738 г. Академия издает одно из самых популярных справочных изданий — энциклопедию по домоводству, так называемую “Флорианову экономию” С. С. Волкова.

Конечно, Академия издает и научные труды своих членов. Среди них работы таких всемирно известных ученых, как Л. Эйлер, И. Бернуллы, Х. Вольф. В 1742 г. в Академию вступает М. В. Ломоносов (1711–1765), выдающийся ученый и организатор науки, чья деятельность составила целую эпоху в истории Академии. М. В. Ломоносов — автор трудов по самым разным областям знания (“Вольфианская экспериментальная физика” (1745), “Российская грамматика” (1755), “Краткий Российский ле-

тописец с родословием” (1759), “Явление Венеры на Солнце” (1761), “Первое основание металлургических или рудных дел” (1763) и др.). Он также принимал активное участие в формировании издательской программы и политики Академии. В частности, ему принадлежала высказанная в 1754 г. идея создания научно-популярного журнала под названием “Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие”, который в 1755 г. сменил “Примечания к Ведомостям” (прекратили существование в 1742 г.) и который по праву считается *первым универсальным журналом* России. Наряду с научными сочинениями российских академиков и иностранными переводами в нем печатались литературные произведения ведущих литераторов той эпохи — В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, И. П. Елагина и др. Однако, будучи инициатором издания, М. В. Ломоносов от участия в нем устранился, поскольку руководство журналом было поручено одному из его научных оппонентов — академику Г. Миллеру²¹. “Ежемесячные сочинения” выходили до 1764 г.

При характеристике научного книгоиздания Академии необходимо отметить публикацию “Комментариев Санкт-Петербургской Академии Наук” (с 1728 г.). “Комментарии” издавались на латинском языке. Это первая научная серия Академии, которая издавалась с 1728 по 1751 г., вторая серия — “Новые комментарии...” — выходила с 1750 по 1776 г., третья — “Акты Академии...” — с 1778 по 1786 г., четвертая — “Новые Акты...” — с 1787 по 1806 г., пятая — “Мемуары Академии...” — с 1809 по 1826 г., шестая — “Мемуары, предоставленные различными учеными...” — с 1831 по 1859 г., седьмая — “Memoires...” — с 1859 по 1894 г., восьмая — “Записки императорской академии наук” — с 1894 по 1930 г., наконец, девятая — “Вестник Академии наук” — выходит с 1930 г. по сей день. Издания с первой по четвертую серию публиковались на латыни, с пятой по восьмую — на французском языке, восьмой и девятой серии — на русском языке. Таким образом, научное академическое издание является не только *старейшим отечественным периодическим научным*

изданием, но и самым долгим по времени продолжающимся российским изданием.

К изданию учебной, справочной и научной литературы примыкают картографические издания и сочинения по географии России, которые в XVIII в. Академия публиковала в большом количестве. Эти издания являлись главным образом результатом научных изысканий и экспедиций, организованных под руководством или при участии Академии, и отражали процесс освоения и колонизации огромной территории империи. В 1734 г. Академией издана знаменитая “Генеральная карта Российской империи”, а в 1745 г. в свет выходит “Атлас Российской империи”, который считается первым отечественным картографическим изданием, основанным на геодезической съемке. В 1750-е гг. Академия публикует научные описания ряда отдаленных территорий страны. Среди них наиболее фундаментальный характер носили “Описание Сибирского царства” (1750) Г. Ф. Миллера и “Описание Земли Камчатки” (1755) С.П. Крашенинникова.

В XVIII в. Академия также являлась центром исторических исследований и издания исторических сочинений. В числе исторических трудов, выпущенных Академией, работы Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера, И. Тауберга, М. В. Ломоносова, А. Л. Шлецера, И. Георги, И. Фишера, И. Скиттера и др. Короткой деятельности А. Л. Шлецера в Академии (1765–1769) русская историческая наука обязана началом научной публикации источников по отечественной истории. Наиболее фундаментальным историческим трудом, выпущенным в академической типографии, стало сочинение почетного члена Академии князя М. М. Щербатова (1733–1790) “История Российская от древнейших времен” (1770–1791; 15 частей).

Существенную роль в репертуаре академических изданий играла и художественная литература. Можно констатировать, что первые опыты в области русской словесности были предприняты именно в академических изданиях. Среди литераторов, произведения которых печатала Академия,

— А. Д. Кантемир, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, И. П. Елагин, М. М. Херасков и др. Некоторые из них, например В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, являясь членами Академии, активно способствовали технологическому обеспечению литературного процесса. В академической типографии печатался и выходивший в 1759 г. журнал А. П. Сумарокова “Трудолюбивая пчела”, который иногда называют *первым частным журналом* в России. Впрочем, опыт издания “Трудолюбивой пчелы”, выходящей по высочайшему разрешению, был недолгим (журнал закрылся в том же году) — Елизавету Петровну раздражало критическое направление журнала²².

В академический период по-прежнему значительную роль в общем объеме книжного рынка играла религиозная литература. Центром ее производства оставалась Синодальная типография в Москве. В 1735 г. была возобновлена работа типографии Александро-Невской лавры. Здесь в 1736–1739 гг. выходит первое издание русской (церковнославянской) Библии не кирилловским, а гражданским шрифтом.

Академическая книготорговля

Академический период в истории русской книги довольно важен с точки зрения становления отечественной книготорговли. Выше уже указывалось, что Академия была финансово заинтересована в успешной продаже своих изданий. В 1728 г. открывается Книжная палата Академии, а в 1735 г. — специальная книжная лавка. Они занимались распространением академических изданий. С 1749 г. книжная лавка разделяется на две — для русских и иностранных книг. Тогда же открылось представительство академической лавки и в Москве. Вообще, надо заметить, что в той или иной форме *особая академическая книготорговля* просуществовала до сегодняшнего дня.

В академический период вводились такие новые для России (рыночные по своему характеру) формы книготорговли, как продажа книг на аукционе и “по вольной цене”, а также система подписки на книги, пред-

варительных заказов. Академия располагала сетью комиссионеров (из числа купечества), через которых распространяла свои издания по всей империи. Академия также выступала в качестве основного торговца иностранными книгами, покупая через своих торговых представителей книги за границей и перепродавая их в России; до середины XVIII в. среди них доминировали книги на немецком и голландском языках, затем на французском языке. Примечательно, что академический статус российского гражданского книгопечатания позволил России впервые в своей истории начать регулярную продажу изданных в стране книг за рубежом (также через эмиссаров Академии); тогда же начинается книгообмен изданий Академии на издания других европейских ученых учреждений. Конечно, несмотря на достижения академической книготорговли, следует учитывать, что Академия, будучи государственным учреждением и выступая в роли монополиста-издателя и монополиста-продавца, могла позволить себе не учитывать в должной мере требования рынка, часто выпуская книги, не пользующиеся спросом. Периодически Академия вынуждена была снижать цены на книги, многие из которых десятилетиями залеживались на книжном складе.

Книжная культура в эпоху просвещенного абсолютизма

Просвещенный абсолютизм и рост книгопечатания в России

Эпоху просвещенного абсолютизма обычно соотносят с царствованием императрицы Екатерины II (1762–1796). Для истории отечественной книжной культуры период просвещенного абсолютизма стал переломным. Если в первую половину 1760-х гг. (1761–1765) в России выходило в среднем 110 наименований книг в год, то во вторую половину 1780-х гг. (1786–1790) — 362. За весь XVIII в. в стране было выпущено 11 тыс. книг, при этом более половины (6585) за его последнюю четверть²³. В чем причина столь впечатляющего роста книгоиздания? В основном это общий культурный подъем в екатерининскую эпоху. Период эклектичного и в общем-то поверхностного усвоения плодов европейской культуры по-

104

степенно сменяется их переработкой, эпигенезис русской культуры — ее развитием²⁴. По словам крупнейшего историка русской культуры П. Н. Милюкова, это время, “с которого начинается непрерывная история интеллигентного общественного мнения в России” и появляется “читающая...публика в сколько-нибудь значительном количестве”²⁵. Действительно, выросло поколение по-европейски образованных дворян, что не могло не увеличивать спрос на книжную продукцию. Однако не менее важен и другой фактор — дворянство постепенно переставало ощущать себя “холопами государевыми”, его общественные запросы и интересы все более выходили за традиционные рамки сознания московского дворянина — службы православному государству. Постепенное изменение ментальности правящего класса приводит и к изменению характера отношений между обществом и государством. В 1762 г. отменяется обязательность дворянской службы, что означало начало процесса раскрепощения сословий в России; в эпоху просвещенного абсолютизма вводятся гарантии неприкосновенности частной собственности и личности для представителей привилегированных сословий, создается система сословного местного управления, утверждается принцип разделения власти. Иными словами, государство постепенно отказывается от прежней идеологии диктата и тотального контроля над обществом. Одним из важнейших показателей новых общественных отношений является то, что в екатерининское время *книгопечатание* (и, как следствие, *книгоиздание*) в России впервые выходит из исключительного ведения государства и становится общественным делом. Исторический указ, разрешавший вольные типографии, был издан в 1783 г.

“Демократизации” книги и росту книгопечатания способствовало и дальнейшее снижение ее себестоимости. Частные издатели, заинтересованные в максимальной рентабельности своего дела, стремились удешевить стоимость производства книги. В частности, это достигалось за счет упрощения переплета или даже отказа от него. В 80-е гг. XVIII в. начали появляться брошюрованные (только шитые) книги и книги в обложках.

Переплетенные книги вскоре оказались в меньшинстве — покупателю давалась возможность дешево купить книги в обложке и затем уже заказать переплет или вовсе отказаться от него.

Немаловажным фактором, способствующим спросу на книгу в эпоху просвещенного абсолютизма, стало развитие сети учебных и ученых учреждений в империи. Особо здесь следует отметить деятельность одного из крупнейших общественных деятелей и просветителей XVIII в. *И. И. Бецкого* (1704–1795). По его инициативе в 1763 г. создается Московский воспитательный дом, училище для мальчиков при Академии художеств, в 1764 г. — первое среднее женское учебное заведение России (Смольный институт благородных девиц в Петербурге) и другие учебные заведения. Так, в 1786 г. Екатерина II издает “Устав о народных училищах”, давший резкий толчок развитию школьного образования. Так, в 1785 г. в стране насчитывалось 12 школ (где обучалось 1282 ученика), в 1796 г. — уже 316 школ (где обучалось более 16 200 учеников)²⁶. В 1765 г. в Петербурге открывается Вольное экономическое общество, ставшее центром развития экономических, сельскохозяйственных и технических знаний. Среди научных мероприятий, организованных в екатерининскую эпоху, необходимо отметить открытие в 1783 г. Российской академии — ученого учреждения, ставшего центром работ в области русского языка, национальной литературы и гуманитарных наук. Академия была открыта по инициативе княгини *Е. Р. Дашковой* (1743–1810) — подруги императрицы и выдающейся деятельницы российского просвещения, которая и стала первым президентом этого ученого собрания.

Таким образом, во второй половине XVIII в. совместными усилиями верховной власти и ряда выдающихся общественных деятелей создаются условия для расширения как общего спроса на книгу, так и ее репертуара. Необходимо, впрочем, отметить, что в екатерининскую эпоху власть отнюдь не отказывалась от принципа контроля над информацией, распространяемой с помощью печатного станка. Более того, в условиях постепенной либерализации печати и становления негосударственного книго-

издания происходит и постепенное формирование цензурных институтов. В конце правления Екатерины II цензура из местных полицейских органов (управ благочиния) передается в специально учреждаемые цензурные комитеты Москвы и Петербурга²⁷. Согласно указу 1796 г., “никакие книги, сочиняемые или переводимые в государстве нашем, не могут быть издаваемы, в какой бы то ни было типографии без осмотра одной из цензур, учреждаемых в столицах наших, и одобрения, что в таковых сочинениях или переводах ничего Закону Божию, правилам государственным и благонравию противного не находится”²⁸.

Центры российского книгопечатания во второй половине XVIII в.

Официально положение, разрешавшее частным лицам заводить типографии во всех городах и печатать книги на русском и на иностранных языках, было закреплено указом 1783 г. Этим указом, таким образом, отменялись прежние монопольные права Академии наук в области гражданского книгоиздания. Однако реальное увеличение числа издательских предприятий в России происходит задолго до указа 1783 г., еще на закате правления Елизаветы Петровны. Правда, поначалу речь идет еще об открытии казенных типографий при новых учебных заведениях — Московском университете и Шляхетском кадетском корпусе.

В 1756 г. состоялось открытие *типографии Московского университета*. Типография издавала научную, учебную и художественную литературу, доклады и речи профессоров. Кроме того, типография Московского университета (аналогично с Академией, выпускавшей “Ведомости”) получает привилегию на издание газеты — “Московских ведомостей”.

Типография Сухопутного шляхетского корпуса была открыта в 1757 г. Она печатала воинские патенты, учебную литературу, словари. В типографии выходил (1759–1760) и первый в России в полном смысле слова *литературный журнал* “Праздное время в пользу употребленное”, организованный преподавателями и выпускниками корпуса

(А. П. Мельгуновым, П. И. Пастуховым, А. А. Нартовым и др.)²⁹. С 1760 г. в нем активно сотрудничает А. П. Сумароков, вынужденный отказаться от продолжения издания своей “Трудолюбивой пчелы”. Возможно, что его сатирические произведения, помещенные в журнале “Праздное время”, послужили одной из причин закрытия и этого издания.

Таким образом, у академического книгоиздания уже появляются “казенные” конкуренты на книжном рынке. Поскольку академическая типография рассматривается как государственная, в ней печатаются издания создающихся в екатерининскую эпоху различных просветительских обществ, пользовавшихся высочайшим покровительством: Вольного экономического общества (с 1765 г.), Общества, старающегося о переводе иностранных книг (с 1768 г.), Общества, старающегося о напечатании книг (с 1773 г.).

После открытия в 1783 г. Российской академии начинается ее издательская деятельность. Е. Р. Дашковой, ее первому президенту, удалось привлечь к работе крупнейших ученых и писателей того времени — С. Я. Румовского, А. П. Протасова, С. К. Котельникова, Д. И. Фонвизина, М. М. Хераскова, Я. Б. Княжнина, Г. Р. Державина и др.

Переломным в истории русской книги является 1769 г., когда Екатери́на II объявила о своем решении разрешить частным лицам издавать сатирические журналы, причем делать это позволялось анонимно³⁰. Несмотря на то что императрица пошла на такой шаг, надеясь идеологически воздействовать на дворянство, овладеть общественным мнением, направив его в русло, полезное для “просвещенной монархии”, это событие имело фундаментальное значение для интеллектуального и духовного раскрепощения российской интеллигенции, которая впервые получила публичную трибуну для выражения своего мнения. С появлением высочайшего разрешения сразу открывается несколько литературных журналов. Сама императрица (вместе со своим литературным помощником Г. В. Козицким) издавала журнал *Всякая всячина*, в котором пыталась обосновать правительственную политику. Очень скоро стало ясно, что че-

стной конкуренции с общественными журналами “Всякая всячина” не выдерживает, и Екатерина начинает борьбу с журналами, возникшими по ее инициативе или при ее поощрении³¹. Однако загнать джинна обратно в кувшин уже не удалось: влияние общества на печатное дело неуклонно возрастает.

С начала 1770-х гг. возникает практика открытия частных типографий (или передачи в аренду казенных типографий частным лицам) по высочайшему соизволению. Первой такой типографией стало *издательское предприятие Михаэля Гартунга*, открытое в 1771 г. и издававшее книги на иностранных языках. *Крупнейшее в XVIII в. русское издательское дело Н. И. Новикова* тоже сначала возникает на базе государственных типографий — Академии наук (с 1773 г.) и Московского университета (с 1779 г.).

После указа 1783 г. открывается целый ряд частных типографий. Среди них наиболее известными считаются *типографии Е. К. Вильковского, И. Г. Рахманинова, Е. Н. Струйского, И. А. Крылова, П. И. Богдановича*. Впервые типографии открываются в ряде отдаленных районов страны. Так, в 1789 г. первую в Сибири типографию (в Тобольске) основывает В. Е. Корнильев. Эти типографии выпускали универсальную по своему характеру книгу. Универсальность репертуара большинства первых российских частных издательских предприятий можно объяснить как попыткой найти своего читателя, так и узостью рынка. Также универсальный характер имела и деятельность “Типографической компании” Н.И. Новикова, которая среди российских издательских предприятий занимала особое место.

Просветительская и издательская деятельность Н. И. Новикова

Николай Иванович Новиков (1744–1818) — русский просветитель, писатель, журналист, книгоиздатель (выпустил более 1 тыс. книг). Для понимания мотивов и целей издательских предприятий Н. И. Новикова необходимо учесть те непростые общественные условия, в которых начала

разворачиваться его деятельность. В 1767–1768 гг. Н. И. Новиков является секретарем знаменитой Комиссии по составлению проекта нового уложения. В центре внимания комиссии, которую образно называют первым русским парламентом, было не только обсуждение законопроекта, но, естественно, и связанные с ним социально-политические вопросы, в том числе проблема крепостного права. Такой поворот показался Екатерине II, создавшей комиссию, нежелательным и даже опасным. Под предлогом начавшейся в 1768 г. войны с Турцией императрица распускает комиссию. С этого момента Н. И. Новиков и императрица становятся политическими и литературными оппонентами.

Первоначально Н.И. Новиков печатал свои издания — журналы “Трутенъ” (1769–1770), “Пустомеля” (1770), “Живописец” (1772–1773), “Кощелек” (1774) — в типографии Академии. Постоянная смена названия журналов Н. И. Новикова была вызвана тем, что императрица периодически их закрывала, недовольная как их общественной линией, так и печатной полемикой, которую вел с императрицей их редактор. Разумеется, внешне эта полемика с обеих сторон являлась анонимной, но общество было прекрасно осведомлено, кто автор публикуемых материалов.

В 1773 г. Н. И. Новиков становится одним из основных организаторов Общества, старающегося о напечатании книг, большинство изданий которого также вышли из академической типографии³². Целью общества было коммерческое продвижение в печать работ молодых переводчиков упомянутого Собрания, старающегося о переводе иностранных книг. Среди его сотрудников — Я. Б. Княжнин, А. Н. Радищев, М. А. Матинский и другие известные переводчики и литераторы. Общество, выпустившее до 30 названий книг, не ограничивалось переводческой деятельностью, выпуская и оригинальные сочинения российских писателей.

Одновременно Н. И. Новиков организует еще несколько важных культурных проектов, в том числе “Опыт исторического словаря о российских писателях” (1772), “Древнюю российскую гидрографию, содержащую описа-

ние Московского государства, рек, протоков, озер, кладезей..." (1773), "Древнюю российскую Вивлиофику" (1773–1775). "Словарь", в котором были опубликованы сведения о 317 писателях и ученых, творивших с X по XVIII в., был одним из первых в России словарей деятелей культуры. В "Вивлиофике" впервые опубликованы многие ценные исторические источники, относящиеся к периоду от Древней Руси вплоть до императорской России³³. Можно сказать, что наряду с А. Л. Шлёцером и В. Н. Татищевым Н. И. Новиков выступил первооткрывателем древней русской истории.

В 1775 г. Н. И. Новиков так же, как и многие культурные деятели его эпохи (И. П. Елагин, М. М. Херасков, И. В. Лопухин, И. Е. Шварц, В. В. Чулков, И. П. Тургенев, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин и др.), входит в ряды масонов¹. Вскоре масонская и издательская деятельность русского просветителя становятся неотделимы друг от друга³⁴. В основе идеологии русского масонства этого периода было стремление к сочетанию идеологии просвещения с религиозно-нравственными ценностями³⁵. Под влиянием идеологических исканий масонства Н. И. Новиков в 1777–1780 гг. издает первый в России философский журнал "Утренний свет". В 1779 г. он переезжает в Москву, где арендует на 10 лет типографию Московского университета. В 1781 г. по инициативе Н. И. Новикова в Москве создается неразрывно связанное с масонством Дружеское ученое общество, в которое входили виднейшие деятели русской культуры. Общество становится организационной и интеллектуальной основой дальнейших издательских предприятий Н. И. Новикова. После издания указа о разрешении открывать частные типографии он создает на деньги масонов "Типографическую компанию", имевшую две типографии. В "Типографической компании" ее основателю удалось собрать ведущих отечественных литераторов, переводчиков, редакторов и книготорговцев. За 13 лет своей

¹ Масоны, или франкмасоны (от *фр.* franc-maçons — вольные каменщики), — члены тайных обществ, ставящих целью духовное строительство, объединение людей на началах братской любви, взаимопомощи и верности.

московской издательской деятельности (1779–1792) Н. И. Новиков издал сотни книг и журналов (по примерной оценке 1/3 всей печатной продукции страны). Основной репертуар книг, вышедших в его типографиях, носил просветительский характер. Это учебники, книги по разным областям знания, сочинения просветителей (Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, Г. Э. Лессинг), сочинения русских писателей, ряд периодических изданий (“Московское ежемесячное издание”, 1781; “Городская и деревенская библиотека”, 1782–1786; “Детское чтение для сердца и разума” — первый детский журнал, 1785–1789, и др.)³⁶. Масштаб издательской деятельности позволил Н. И. Новикову развернуть первую в России книготорговую сеть — его магазины открылись в 16 городах империи, в Москве он создал библиотеку-читальню.

Екатерина II, двор и православная церковь пристально следили за издательской и общественной деятельностью Н. И. Новикова. В его предприятиях императрицу беспокоило многое: от пропаганды независимой от правительства идеологии, внецерковной религиозности до попытки вовлечения в масонство наследника престола великого князя Павла Петровича. Политическая реакция на Французскую революцию в российских правящих кругах в конце 1780-х — начале 1790-х гг. сделала положение Н. И. Новикова еще более уязвимым. В 1789 г. ему было отказано в продлении аренды типографии Московского университета, для развития которой он потратил немало сил и средств. “Типографическая компания” подвергалась гонениям и к 1791 г. фактически разорилась — ее долги принял на себя сам Н. И. Новиков. По обвинению в издании старообрядческого сочинения, посвященного подавлению Соловецкого восстания XVII в. (“История об отцах и страдальцах Соловецких”), в 1792 г. Н. И. Новиков был арестован и по указанию императрицы заключен в Шлиссельбургскую крепость. Будучи освобожденным по указу Павла I в 1796 г., он так и не нашел в себе сил вернуться к общественной и издательской деятельности, тем более что ни материальных средств (после

разгрома Екатериной II масонских лож), ни возможности (в эпоху Павла I частные типографии были запрещены) на это у него не было.

Репертуар русской книги в последней трети XVIII в.

Репертуар русской книги эпохи просвещенного абсолютизма был самым разнообразным. Так же как и в петровскую эпоху, так же как и в академический период, светская литература доминирует над религиозной. Однако принципиальным отличием от предшествующих десятилетий является то, что в это время на первое место, безусловно, выходит беллетристика, на которую появляется массовый спрос. На русский язык переводятся классические произведения европейской литературы — сочинения Гомера, Данте, Ф. Рабле, У. Шекспира, Д. Свифта, И.В. Гете и других всемирно известных авторов. Не менее важно то, что на последнюю треть XVIII в. приходится и начало действительно широкой публикации произведений российской писателей — М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова, Я. Б. Княжнина, Д. И. Фонвизина, А. И. Крылова, А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, Н. М. Карамзина, И. Ф. Богдановича, Г. Р. Державина, Е. Р. Дашковой и др.

Как отмечалось ранее, с 1769 г. русское общество получает возможность издавать частные литературные журналы. Почти каждый крупный литератор имеет свое предприятие: *Свободные часы* (М. М. Херасков), *И то, и се* (М. Д. Чулков), *Ни то, ни се* (В. Г. Рубан), *Смесь* (Л. И. Сичкарев), *Адская почта* (Ф. А. Эмин), *Поденщина* (В. Гузов), *Полезное с приятным* (И. Ф. Румянцев, И. А. де Тейлес), *Трутень* (Н. И. Новиков) и др. С этого момента в русской книжности зарождается традиция, сохранившаяся вплоть до середины XIX столетия, когда многие крупные литераторы открывают собственные периодические издания, где печатают как свои произведения, так и те работы собратьев по цеху, которые отвечают их литературным вкусам. Например, Н. М. Карамзин издавал *Московский журнал* (1794–1795), а И. А. Крылов — журналы *Почта духов* (1790), *Зритель* (1792), *Санкт-Петербургский Мерку-*

рий (1793). Вообще, последняя треть XVIII в. — время, когда русская литература перестает быть просто литературой, приобретая значение основного средства выражения национального духа, идейных и философских исканий русского общества. Произведения Д. И. Фонвизина (1745–1792) “Недоросль” (1781; напечатан в 1783 г.) и А. Н. Радищева (1749–1802) “Путешествие из Петербурга в Москву” (1790) становятся знаковыми для русской культуры. Эти сочинения, в которых в художественной форме содержалась критика существующих социальных отношений, были негативно восприняты абсолютистским режимом. Особенно “досталось” А. Н. Радищеву, произведение которого носило явный антикрепостнический характер и являлось открытым вызовом власти. Кроме того, в своей книге он призывал к отмене цензуры, посвятив этой проблеме одну из глав “Путешествия”³⁷.

Считается, что А. Н. Радищев сумел опубликовать свою на шумевшую книгу по цензурному недосмотру — по-видимому, неслучайному (у него были влиятельные покровители — граф А. Р. Воронцов и княгиня Е. Р. Дашкова)³⁸. Шрифты и типографское оборудование писатель приобрел в типографии Шира и печатал скандальную книгу у себя дома, втайне от чужих глаз, значительно изменив текст, ранее предоставленный им и так более чем благосклонному к автору цензору³⁹. Несмотря на то что книга была издана анонимно, в обществе понимали, кто ее автор. Екатерина II, прочитав “Путешествие”, в гневе написала своему секретарю А. В. Храповицкому о А. Н. Радищеве фразу, ставшую знаменитой: “Он бунтовщик хуже Пугачева”. А. Н. Радищев был арестован, приговорен к смерти, замененной ссылкой в Сибирь, где он прожил шесть лет.

В последней трети XVIII в. значительно увеличивается и количество учебной и научной литературы. Конечно, это во многом происходит благодаря деятельности Н.И. Новикова, масонских организаций и других просвещенных представителей общества. Однако следует учитывать, что такому процессу способствовали и правительственные круги — кроме самой Екатерины Великой организации школ народного просвещения и

науки содействовали И. И. Десницкий, Е. Р. Дашкова, Н. И. Панин и другие видные представители бюрократической элиты. Так, важнейшее значение имело издание “Словаря Академии Российской, словопроизводным порядком расположенного” (1789) — первого толкового словаря русского языка, ставшего, по словам А. С. Пушкина, его “уложением”. Екатерина II рассматривала процесс создания словаря как важнейшее государственное предприятие, постоянно следила за работой над ним и контролировала ее ход⁴⁰.

Книгораспространение

С расширением рынка книги естественный рост во второй половине XVIII в. переживает и книготорговля.

Безусловно, наиболее широкую торговую сеть в XVIII в. организовал Н.И. Новиков (см. выше). Однако в последней четверти XVIII в. создается и ряд других частных магазинов, специализирующихся на торговле книгами, — среди них отметим предприятия иностранцев У. Додсли и Ф. де Марья, а также русских купцов Глазуновых, Г. Н. Кольчугина, С. И. Селиванского. Как мы увидим, многие частные фирмы, возникшие в XVIII в. как торговые, впоследствии превратятся в крупные издательские предприятия.

Книгораспространению способствовал и рост библиотек, причем и частных, и общественных, и государственных. Крупные частные библиотеки в этот период создают представители как дворянского, так и духовного и купеческого сословий, при этом не только в столицах, но и во многих провинциальных городах. Среди наиболее значимых общедоступных общественных библиотек отметим библиотеку Вольного экономического общества (организована в 1765 г.) и библиотеку-читальню Н. И. Новикова.

Значительно увеличилась и сеть государственных библиотек. План создания центральной публичной библиотеки был разработан еще в 1766 г. рядом видных общественных деятелей того времени во главе с

Б. М. Салтыковым (1723–1808) и представлен императрице. Но только в 1795 г. по указу Екатерины II начинаются работы по строительству здания и одновременно формированию фондов Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, открытие которой приходится уже на царствование императора Александра I. Организация библиотеки на первом этапе была поручена *В. С. Попову* (1743–1822), управляющему Ее императорского величества Канцелярией, в ведении которого находилось ее строительство. В эпоху Павла I, после опалы В. С. Попова в 1797 г., организация библиотеки была поручена французскому эмигранту графу *М. Г. Ф. Шуазель-Гуффье* (1752–1817), а после опалы последнего (1800 г.) — графу *А. С. Строганову* (1733–1811), занимавшими должности “главных директоров Императорских публичных библиотек”.

Крупнейшей библиотекой второй половины XVIII в. оставалась Библиотека Академии наук. В 1783 г. в России был введен *обязательный экземпляр*, т.е. экземпляр каждой изданной в стране книги, который в обязательном порядке должен был передаваться в хранилище Библиотеки Академии наук в Петербурге. Необходимо отметить также появление ряда новых для России специализированных и научных библиотек. В 1756 г. возникают репертуарная библиотека Русского драматического театра и библиотека Московского университета, в 1757 г. — библиотека Академии художеств, в 1773 г. — библиотека при Горном училище в Петербурге (впоследствии Институт горных инженеров), в 1783 г. — библиотека Учительской семинарии в Петербурге (стала основой будущей библиотеки Петербургского университета) и др.⁴¹

§ 3. Рукописная книга в XVIII в.

Рукописная книга сосуществовала с печатной на протяжении всего XVIII в. Причем ее репертуар был самым разнообразным — как религиозным, так и светским. Центрами производства религиозной рукописной книги по-прежнему оставались монастыри. Поскольку в это время потребности в богослужебной литературе уже с избытком удовлетворялись

Синодальной типографией, основным предметом работ, которые велись в монастырских скрипториях, стала четья литература (патерики, труды отцов церкви, религиозно-нравственные произведения и т. п.).

В XVIII в. типографский станок по-прежнему был малодоступен сторонникам старообрядческой церкви, составлявшим примерно до 1/5 населения страны. Старообрядцы не могли пользоваться богослужебной книгой, выпущенной после реформы патриарха Никона (см. тему 5, § 2), а также новыми латинизированными шрифтами для церковнославянского алфавита, выработанными Петром (см. тему 6, § 1). Таким образом, старообрядческие сообщества были вынуждены налаживать производство рукописной книги в довольно значительных масштабах. Кроме богослужебной литературы в XVIII в. активно создается и собственно старообрядческая литература. Одним из наиболее известных сочинений была «История об отцах и страдальцах Соловецких», созданная старообрядцем Семеном Денисовым. Основными центрами производства старообрядческой книги стали те отдаленные области страны, в которых сторонники раскола чувствовали себя в относительной безопасности от преследований официальной церкви: Поволжье (Керженский центр — поповцев¹), Забайкалье, Поморье (где находился крупнейший центр старообрядческой книжности — так называемых беспоповцев¹¹ — Выговская пустынь). Еще один крупнейший центр старообрядчества и старообрядческой книжности (поповцев) — *Ветковский*, основанный в 1680 г., — находился в Белоруссии, близ Гомеля, на реке Сож, на острове Ветка, но в XVIII в. он оказался в поле досягаемости для российских властей и был разгромлен. После этих событий центр поповцев переместился в Астраханскую губернию — в Иргизские монастыри.

Кроме копирования богослужебных книг по старым дореформенным образцам старообрядцы в XVIII в. создают ряд религиозных сочинений. В

¹ Поповцы (беглопоповцы) — направление в старообрядчестве, имеющее свою церковную организацию.

¹¹ Беспоповцы — одно из течений в старообрядчестве, отвергающее православную иерархию и таинство священничества.

центре их внимания эсхатологические сюжеты, вопрос о сущности Антихриста и о его власти над никоновской церковью и официальным государством. Среди этих сочинений наиболее известны “Поморские ответы” (или “Ответы пустыннослужителей на вопросы иеромонаха Неофита”), созданные к 1723 г. в Выговском монастыре под руководством его настоятеля Андрея Денисова (1674–1730), излагающие суть доктрины беспоповцев; “Бисер драгоценный” (1729) Михаила Вышитина, где изложена теория чувственного Антихриста, скоро являющегося в мир. Из более поздних раскольничьих сочинений можно отметить, например, грандиозный труд “Щит веры” (1789–1790), составленный поморцем Тимофеем Андреевым (1745–1808).

Старообрядцы старались предельно точно копировать все элементы дониконовской книжности: полуустав, декоративные элементы, миниатюры, переплет и т. п. Таким образом, старообрядческая культура становится в XVIII в. основным хранителем традиций древнерусской рукописной книги.

Кроме официально-церковной и раскольничьей религиозной литературы в рукописной книжности XVIII в. по-прежнему существенные позиции сохраняла и светская книга — та, которая не прошла в печать по цензурным соображениям или не нашла массового заказчика. В числе наиболее известных произведений этого периода, распространявшихся в рукописном виде, “Гистория о российском матросе Василии Кориотском”, “Записки о стрелецких бунтах” А. Матвеева, “Сказание о зачатии и рождении императора Петра Великого” П. Куракина и др.

Необходимо также иметь в виду, что благодаря екатерининскому просвещению уже к началу XIX в. количество грамотных недворян в три раза превысило количество грамотных дворян (до 1760-х гг. дворянство составляло большинство грамотного населения)⁴², что создало предпосылки для расширения производства книги, сюжеты которой были близки народной среде. Широко распространенный жанр рукописной книги XVIII в. — так называемая народная литература: “Повесть о Ерше Ер-

шовиче”, “Повесть о Карпе Сутулове”, “Повесть о Фроле Скобееве” и т. п. Есть сведения, приведенные известным литератором М.Д. Чулковым об одном предприимчивом чиновнике 60-х гг. XVIII в., который 40 раз переписал для продажи сказку о Бове Королевиче, “ибо на оную бывает больше походу (спросу), нежели на другие такие драматические сочинения”⁴³.

Лубочные издания

Выше (см. тему 5, § 2) мы уже отмечали возникновение и распространение лубочных изданий еще в Московской Руси. Однако период расцвета лубочной книги в России приходится именно на XVIII в., когда, с одной стороны, в народе уже появляется широкая потребность в печатном слове нерелигиозного содержания (прежде всего, в литературе легкого, развлекательного характера), а с другой стороны, цензурные и экономические (связанные с дороговизной) и технологические (невозможность цветной печати) условия не позволяют удовлетворять эту потребность выпуском книг способом наборной печати.

В XVIII в. иногда целые села занимались специальным промыслом — изготавливали и продавали лубки. Близ Москвы существовали купеческие “фигурные фабрики” по изготовлению лубков. Иными словами, можно говорить о существовании в этот период целой лубочной “промышленности”. Хотя названия “лубочный”, “лубок” и сохранились с начала XVIII в., собственно луб, т. е. древесная кора, для их изготовления, как правило, уже не применялся. Лубочные картинки стали гравировать на дереве, а оттиски раскрашивать от руки. Большое распространение получают и лубочные книжки, состоящие из сшитых картинок, — развлекательное чтение для разных слоев населения. Существовали даже и профессиональные лубочные писатели. Среди них одним из наиболее известных был М. Комаров, создавший много текстов для лубочных произведений, рассчитанных на массовый спрос. Пожалуй, наиболее популярной его книгой стала “Повесть о приключениях английского милорда Георга и бранденбургской маркграфини Луизы” (1782), которая не сходила с книжного

рынка в течение 150 лет. Именно эту повесть впоследствии Н. А. Некрасов назвал “милордом глупым” в поэме “Кому на Руси жить хорошо”⁴⁴.

Как правило, лубочные издания печатались и продавались, минуя цензуру. Репертуар был схож с рукописным. Часто издавались лубочные книжки на сюжет сказок и народного быта — “О Бове Королевиче”, “О купеческой жене и приказчике”, “Об Еруслане Лазаревиче” и т. п. В ограниченном смысле использовали лубочную печать и раскольники. Считается, что именно в кругах старообрядцев была создана и получила распространение известная сатирическая картинка XVIII в. “Как Мыши Кота погребают”, зло критиковавшая нововведения Петра I⁴⁵.

С середины XVIII в. получает широкое распространение торговля *офеней* — розничных торговцев разного рода мелочным товаром: чаем, галантереей, ситцем, пряниками, а также лубочными листками и книгами.

* * *

Итак, в XVIII в. русская книга вступает в следующий этап своего развития. Можно отметить несколько значимых новых черт национальной книжности этого периода:

- 1) печатная книга оттесняет на второй план рукописную;
- 2) происходит секуляризация книги, создается новый гражданский шрифт, светская книга превалирует над церковной;
- 3) происходит постепенное ослабление контроля государства над книжностью, все большую роль в формировании социального заказа на книги играет общество;
- 4) в российской книжной культуре происходит утверждение европейских форм книгоиздания и книгораспространения (газеты, журналы, частные издательства и типографии, книжные магазины, книжная подписка, общественные библиотеки);
- 5) российское книгоиздание впервые выходит на международный уровень (академическая книготорговля).

¹ См. об этом: *Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милоков. М., 1994. Т. 2, ч. 2. С. 247–249.

² *Ключевский В. О.* Курс русской истории / В. О. Ключевский. М., 1937. Ч. IV. С. 256.

³ См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского / П. П. Пекарский. Т. 1–2. СПб., 1862. Т. 1. Введение в историю просвещения в России XVIII столетия; Т. 2. Описание славяно-русских книг и типографий 1698–1725 годов. См. также: *Быкова Г. А.* Описание изданий гражданской печати. 1708–1725 / Г. А. Быкова, М. М. Гуревич. М.; Л., 1957.

⁴ *Луппов С. П.* Книга в России в первой четверти XVIII в. / С. П. Луппов. Л., 1973. С. 55.

⁵ См.: *Копанев Н. А.* Голландские издатели-книготорговцы и дело Петра Великого / Н. А. Копанев // Петр I и Голландия. СПб., 1997. С. 243–260.

⁶ *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской Академии наук и М. В. Ломоносов / Д. В. Тюличев. Л., 1988. С. 13–15.

⁷ См.: История книги / под ред. А. А. Говорова, Т. Г. Куприяновой. М., 2001. С. 153.

⁸ Цит. по: *Луппов С. П.* Книга в России... С. 122.

⁹ Там же. С. 165.

¹⁰ Там же. С. 231.

¹¹ Там же. С. 275.

¹² *Нургалиев В. Ж.* Немецкая книга в России в первой половине XVIII в. : автореф. дис... канд. ист. наук / В. Ж. Нургалиев. М., 1992. С. 6.

¹³ *Милоков П. Н.* Очерки по истории... Т. 3. С. 338.

¹⁴ *Тюличев Д. В.* Книгоиздательская деятельность... С. 19–20.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ См.: *Накорякова К. М.* Редакторское мастерство в России. XVI–XIX вв. Опыт и проблемы / К. М. Накорякова. М., 1973. С. 63–66.

¹⁷ *Ломоносов М. В.* Российская грамматика / М. В. Ломоносов. СПб., 1755.

¹⁸ См., напр.: Издательская деятельность Академии наук в ее историческом развитии. М., 1998. Кн. 1.

¹⁹ См., напр.: *Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.) / Г. И. Смагина. СПб., 2002. С. 12–24; Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. Л., 1985; *Луппов С. П.* Книга в России в послепетровское время / С. П. Луппов. Л., 1976.

²⁰ См.: История Академии наук СССР. М.; Л., 1958. Т. I (1724–1803). С. 132–135.

²¹ Там же. С. 292–294.

²² См., напр.: *Есин Б. И.* История русской журналистики (1703–1917) в кратком изложении : учеб. пособие / Б. И. Есин. М., 2000. С. 10–11.

²³ См.: История книги... С. 166. Ср.: *Смагина Г. И.* Научно-просветительская и учебная деятельность Академии наук в XVIII в. / Г. И. Смагина // Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв. СПб., 2003. С. 131.

²⁴ См.: *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. / А. С. Лаппо-Данилевский. Л., 1990. С. 21.

²⁵ *Милоков П. Н.* Очерки по истории... Т. 3. С. 337.

- ²⁶ Каптерев П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. СПб., 2004. С. 202.
- ²⁷ См.: Жирков Г. В. История цензуры в России XIX века / Г. В. Жирков. СПб., 2000. С. 9–15.
- ²⁸ Указ 16 сентября 1796 г. // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г. СПб., 1862. С. 34.
- ²⁹ История русской журналистики XVIII–XIX вв. : учеб. / под ред. Л. П. Громовой. СПб., 2003. С. 52–58.
- ³⁰ См.: История русской литературы. М. ; Л., 1947. Т. IV. Литература XVIII в. Ч. 2. С. 124.
- ³¹ См., напр.: Там же. С. 371.
- ³² История Академии наук СССР. Т. I. С. 418.
- ³³ См.: Шапиро А. Л. Историография с древнейших времен по XVIII в. : курс лекций / А. Л. Шапиро. Л., 1982. С. 209–210.
- ³⁴ См. об этом, напр.: Тукалевский В. Н. Н. И. Новиков и И. Г. Шварц / В. Н. Тукалевский // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1991. Т. I. С. 175–226.
- ³⁵ См.: Зеньковский В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. Л., 1991. Т. I, ч. 1. С. 106–111.
- ³⁶ Березина В. Г. История русской журналистики XVIII–XIX веков / В. Г. Березина [и др.] ; под ред. А. В. Западава. М., 1966. С. 75–84.
- ³⁷ Речь идет о главе “Торжок” “Путешествия из Петербурга в Москву”. В Торжке путешественник ведет диалог с “порциателем цезуры”.
- ³⁸ См., напр.: История русской литературы... С. 518.
- ³⁹ См., напр., об этом: Черепнин Л. В. Русская палеография / Л. В. Черепнин. М., 1956. С. 448–453.
- ⁴⁰ Лозинская В. Я. Во главе двух академий / В. Я. Лозинская. М., 1983. С. 84–86.
- ⁴¹ Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек / Б. Ф. Володин. СПб., 2002. С. 135–143.
- ⁴² Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762–1800) / А. Н. Севастьянов. М., 1983. С. 31.
- ⁴³ Цит. по: Виноградова Л. А. История книжной торговли / Л. А. Виноградова [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. М., 1982. С. 53.
- ⁴⁴ Там же. С. 54–56.
- ⁴⁵ Там же. С. 55.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. (До 1917 г.) / К. И. Абрамов, В. Е. Васильченко. – М., 1959.

Анисимов В. И. Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России / В. И. Анисимов. – Пг., 1920.

Анушкин А. И. Тайны старопечатной книги / А. И. Анушкин. – Симферополь, 1972.

Бабинцев С. М. И. А. Крылов Очерк его издательской и библиотечной деятельности / С. М. Бабинцев. – М., 1955.

Баренбаум И. Е. Книжный Петербург / И. Е. Баренбаум, Н. А. Костылева. – Л. : Лениздат, 1986.

Васильченко В. Е. Очерк истории библиотечного дела в России. XI–XVIII века / В. Е. Васильченко. – М., 1948.

Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых от начала русской образованности до наших дней / С. А. Венгеров. – СПб., 1889–1904.

Верещагин В. А. Русская и иностранная книга. XV–XIX вв. / В. А. Верещагин. – СПб., 1914.

Виноградова Л. А. История книжного дела в России (988–1917) / Л. А. Виноградова. – М., 1991.

Вознесенский А. В. Книгоиздательство и деятельность старообрядцев (1701–1918). Материалы к словарю / А. В. Вознесенский, П. И. Мангилеев, И. В. Починская. – Екатеринбург, 1996.

Вознесенский А. В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века. Введение в изучение / А. В. Вознесенский. – СПб., 1996.
И. В. Починская. – Екатеринбург, 1996.

Гаранина С. П. Естественнонаучная книга в России (включительно до XVIII в.): учеб. пособие / С. П. Гаранина. – М., 1985.

Данилевский В. В. Русская техническая литература XVIII в. / В. В. Данилевский. – М., 1948.

Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века / Н. В. Здобнов. – М., 1949.

Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны. 1741–1761 / описали В. И. Срезневский и А. Л. Бем. – Пг., 1914.

Карамышев И. П. Краткие исторические сведения о петербургских типографиях с 1711 г. и статистические сведения о заведениях печати за 1868–1895 гг. / И. П. Карамышев. – СПб., 1895.

Книга в России. – М., 1925. – Ч. 1: От начала письменности до 1800 года / под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова.

Книга в России до середины XIX в. – Л., 1985.

Книга в России XVI – середины XIX в. Книгораспространение, библиотеки. читатель : сб. науч. тр. – Л., 1987.

Книга и библиотеки в России в XIV – первой половине XIX в. : сб. науч. тр. – Л., 1982.

Книга в России в эпоху просвещения : сб. науч. тр. – Л., 1988.

Книга и книготорговля в России в XVI–XVIII вв. – Л., 1984.

Коровин Г. М. Библиотека Ломоносова / Г. М. Коровин. – М. ; Л., 1961.

Лисовский Н. М. Русская периодическая печать 1703–1900 гг. (Библиография и графические таблицы) / Н. М. Лисовский. – Пг., 1915.

Лихтенштейн Е. С. Роль Академии наук в становлении отечественного научного книгоиздания / Е. С. Лихтенштейн. – М., 1974.

Ломоносов и книга : сб. науч. тр. – Л., 1986.

Луппов С. П. История библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964 / С. П. Луппов [и др.]. – М. ; Л., 1964.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. / С. П. Луппов. – Л., 1973.

Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время / С. П. Луппов. – Л., 1976.

Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков / И. Ф. Мартынов. – М., 1981.

Материалы для истории русской книжной торговли / сост. П. А. Ефремов. – СПб., 1879.

* Незеленов Н. И. Николай Иванович Новиков. Издатель журналов. 1769–1783 / Н. И. Незеленов. – СПб., 1875.

Неустроев А. Н. Историческое разыскание о русских повременных изданиях и сборниках за 1703–1802 гг., библиографически и в хронологическом порядке описанных / А. Н. Неустроев. – СПб., 1874.

Неустроев А. Н. Указатель к русским повременным изданиям и сборникам за 1703–1802 гг. и к Историческому разысканию о них / А. Н. Неустроев. – СПб., 1898.

Нургалиев В. Ж. Немецкая книга в России в первой половине XVIII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. Ж. Нургалиев. – М., 1992.

Очерки по истории русской журналистики и критики. – Л., 1950. – Т. 1.

Пекарский П. Описание славянорусских книг и типографий. 1698–1725 / П. Пекарский. – СПб., 1862. – Т. II.

Резцов Н. А. Писчебумажное дело в России в его прошлом и настоящем / Н. А. Резцов // Писчебумажное Дело. – СПб., 1904.

Рукописная и печатная книга : сб. ст. / под ред. А.А. Сидорова. – М., 1975.

Русская демократическая книга. Книжное дело Петербурга – Петрограда – Ленинграда. – Л., 1983.

Русская литература и книгопечатание XVIII в. – М., 1979.

Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII в. (по спискам подписчиков) / А. Ю. Самарин. – М., 2000.

Севастьянов А. Н. Рост образованной аудитории как фактор развития книжного и журнального дела в России (1762–1800) / А. Н. Севастьянов. – М., 1983.

Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова и Типографической компании / В. П. Семенников. – Пг., 1921.

Семенников В. П. Собрание стараящееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II 1768–1783 гг. / В. П. Семенников. – СПб., 1913.

Хрестоматия по истории русской книги. 1564–1917 / сост. Л. А. Везирова; под ред. А.Д. Эйхенгольца. – М., 1964.

Хрушов И. П. О рукописном деле и книгопечатании на Руси / И. П. Хрушов. – СПб., 1907 (1-е изд.: СПб., 1890).

Черняк А. Я. История технической книги / А.Я. Черняк. – М., 1981.

400 лет русского книгопечатания. 1564–1964. – М., 1964. – Т. 1.

Щелкунов М. И. История, техника, искусство книгопечатания / М.И. Щелкунов. – М. ; Л., 1926.

Оглавление

Предисловие.....	3
ТЕМА 4. Книжное дело на заре Нового времени.....	5
§ 1. Изобретение книгопечатания в Европе. Инкунабулы.....	5
Иоганн Гутенберг и его изобретение	8
Инкунабулы. Европейские первопечатники.....	11
Начало кириллического книгопечатания.....	18
Историческое значение наборного книгопечатания в Европе	19
§ 2. Книга в XVI–XVII вв.	21
Культурные условия и репертуар	21
Палеотипы. Новоевропейский тип книги. Технология книжного дела.....	24
Крупнейшие западноевропейские издательства	25
Кириллическое книгопечатание	32
Книгораспространение. Государственная и церковная цензура	35
Первопечатная книга: культурное значение и национальные тенденции	38
§ 3. Книга в XVIII в. Эпоха Просвещения.....	40
Просветительская идеология и репертуар книги.....	40
Центры книгоиздания. Совершенствование технологии.....	43
Книгораспространение и цензура.....	47
Культурное и политическое значение просветительской книги.....	49

Источники и литература	55
ТЕМА 5. Книжное дело в России в XVI–XVII вв.	57
§ 1. Идеология и состояние культуры общества. Причины начала книгопечатания	57
§ 2. Русская печатная книга в XVI в.	61
Технология производства первопечатной книги	61
Иван Федоров.....	63
Невыходные издания	64
Московский Печатный Двор	65
Апостол 1564 г.	66
Часовник 1565 г.	66
Отъезд Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы	66
Деятельность Ивана Федорова и Петра Мстиславца после 1566 г.	68
Заблудовская типография.....	68
Львовский и острожский период деятельности Ивана Федорова.....	69
Типография Мамоничей	71
§ 3. Книжное производство в XVII в.	72
Источники и литература	82
ТЕМА 6. Книга в России в XVIII в.	86
§ 1. Печатная книга в петровское время	86
Политические и культурные условия книгопечатания	86
Репертуар печатной книги.....	87

Центры российского книгопечатания в первой четверти XVIII в.	90
Система государственного управления книгопечатанием.....	92
Торговля, читатель и русские книжные собрания первой четверти XVIII в.	94
§ 2. Книгопечатание в середине – второй половине XVIII в.	97
Академическое книгоиздание (1727–1783).....	97
Репертуар русской книги в академический период.....	99
Академическая книготорговля.....	103
Книжная культура в эпоху просвещенного абсолютизма.....	104
Просвещенный абсолютизм и рост книгопечатания в России.....	104
Просветительская и издательская деятельность Н. И. Новикова.....	107
Центры российского книгопечатания во второй половине XVIII в.	109
Репертуар русской книги в последней трети XVIII в.	113
Книгораспространение.....	115
§ 3. Рукописная книга в XVIII в.	116
Лубочные издания.....	119
Источники и литература	123

Ростовцев Евгений Анатольевич

ИСТОРИЯ КНИЖНОГО ДЕЛА

Часть 3

Учебное пособие

Редактор *О. В. Махрова*

Технический редактор *А. И. Колодяжная*

Оригинал-макет подготовлен автором

Директор Издательства Политехнического университета *А. В. Иванов*

Свод. темплан 2010 г.

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3005 — учебная литература

Подписано в печать *29. 12.* 2010. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. *8, 0.* Уч.-изд. л. *8, 0.* Тираж 100. Заказ *555*

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.
Издательство Политехнического университета,
член Издательско-полиграфической ассоциации университетов России.
Адрес университета и издательства:
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
